

НАУКА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

И

ЕЯ ПОРИЦАТЕЛИ.

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Ординарнымъ Профессоромъ,

А. Чивилевымъ.

25го СЕНТЯБРЯ, 1848 ГОДА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

НАУКА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

И

ЕЯ ПОРИЦАТЕЛИ.

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Ординарнымъ Профессоромъ,

А. Чивилевымъ.

25го СЕНТЯБРЯ, 1848 ГОДА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

НАУКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

и

И. П. ТАЛАНОВ

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

Одобрено редакціей

В. Спекторскій

22. Сентября 1918 г.

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи

1918

М. М. Г. Г!

Безъ сомнѣнія весьма отрадное явленіе современной жизни составляет то, что науки не заключаются болѣе въ тѣсномъ кругу ученыхъ, и до извѣстной степени сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ сословій. Но это счастливое событіе, какъ всякій успѣхъ, имѣло свое неблагопріятное слѣдствіе: теперь больше, нежели когда нибудь, зарѣшеніе вопросовъ науки берутся люди, не приготовленные къ тому ни основательнымъ ученіемъ, ни собственною опытностію. Такому нашествію непризванныхъ, естественно, всего больше подвержены науки политическія. Составленіе идеала государственнаго устройства весьма заманчиво; для тѣхъ, которые не изучали предмета надлежащимъ образомъ, оно представляется сверхъ того дѣломъ чрезвычайно легкимъ. И подлинно, что легче, какъ не сочинять вымыслы, безъ обязанности привести ихъ въ исполненіе, безъ отвѣтственности, когда они окажутся несбыточной и даже вредной химерой? Поэтому государственныя науки постоянно окружены соблазномъ празднословія и легкомысленныхъ созданій воображенія, которыя такъ много увеличиваютъ трудности предмета, и безъ того столь многотруднаго. На борьбу съ этимъ препятствіемъ въ особенности осуждена, по свойству своему, Политическая Экономія. И другія государственныя науки касаются интересовъ частныхъ; но эти интересы не такъ всеобщі и не столь ощутительны, какъ интересы насущнаго хлѣба, — матеріальнаго благостоянія, составляющаго предметъ Политической Экономіи. Къ тому же явленія, которыми занимается эта наука, суть повседневныя; въ ихъ сферѣ вращается каждый по естественной необходимости; ихъ каждый видитъ, каждый ими поражается, какъ поражается явленіями окружающей

природы: отъ того каждый и разсуждаетъ объ нихъ, по крайнему своему разумѣнію, какъ разсуждаетъ о грозѣ, которая разражается надъ его головою, или о свѣтящихся червячкахъ, которыхъ попираетъ своими ногами. Понятія ложныя и сбивчивыя замѣняютъ истинныя и точныя познанія; предразсудки служатъ вмѣсто доказанныхъ началъ. Послѣ этого нельзя удивляться ни превратнымъ толкамъ о предметахъ народнаго хозяйства въ бесѣдахъ устныхъ, ни литературнымъ произведеніямъ портныхъ и сидѣльцевъ, ни періодическимъ изданіямъ, которыхъ редакторы не умѣютъ ни писать, ни читать, какъ это оказалось при одномъ процессѣ во Франціи. Въ этомъ же заключается причина, почему наша наука, съ самаго появленія своего, должна была претерпѣвать нападенія со всѣхъ сторонъ. Сознавая свое достоинство, она не обращала вниманія на порицанія слѣпцовъ, ея не познавшихъ, и гордо шла своей дорогой среди кликовъ неразумія и гоненій изобличеннаго эгоизма. Наконецъ видимый успѣхъ заставилъ смириться многихъ изъ ея враговъ. Дѣйствительно, кто можетъ теперь отрицать ея возможность, когда она уже есть, когда особенно теоретическая ея часть приобрѣла очевидность и послѣдовательность, какими не можетъ похвалиться ни одна изъ прочихъ нравственныхъ наукъ, когда величайшій мыслитель нашего времени, первый мастеръ науки (Гегель) видѣлъ въ ней счастливое приобретеніе ума человѣческаго и удивлялся тому, какъ она въ явленіяхъ, по видимому случайныхъ и преходящихъ, умѣла открыть единство, связь и общіе законы? Кто можетъ теперь усомниться въ ея пользѣ и великой важности, когда во Франціи временное правительство сочло нужнымъ запретить ея преподаваніе? Кто предлагаемая ею практическія мѣры будетъ еще почитать неисполнимыми, когда онѣ уже большею частію приносятъ прекрасные плоды во всемъ образованномъ мірѣ, когда именно это исполненіе требованій науки возбуждаетъ ожесточенное негодованіе тѣхъ, чьи личныя выгоды, благодаря ей, должны были уступить мѣсто интересамъ общимъ? Кто, десять лѣтъ тому назадъ, могъ подумать, что Англія, которая въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій была класси-

ческой страной меркантилизма, будет служить примѣромъ совершенно противоположныхъ началъ торговой политики? Астрономія умственнымъ глазомъ открываетъ въ тверди небесной новыя тѣла прежде, нежели ихъ увидѣлъ глазъ вещественный; Политическая Экономія прозрѣваетъ въ будущность, и въ жизни народовъ указываетъ событія, которыя еще недавно почитались невозможными, но которыя уже осуществляются. Такое очевидное торжество науки радуется и ободряетъ истинныхъ ея друзей и есть самое полное удовлетвореніе ихъ за то пренебреженіе, которое такъ долго оказывалось имъ врагами теоріи. Но торжествуя надъ близорукостію грубыхъ практиковъ, наука въ новѣйшее время подверглась нападеніямъ со стороны совершенно противоположной, — я разумѣю нападенія романтиковъ-соціалистовъ, которые существующій порядокъ вещей хотятъ замѣнить совершенно новымъ соціальнымъ устройствомъ собственнаго изобрѣтенія. Число и ярость этихъ послѣднихъ враговъ науки возрастаютъ съ каждымъ днемъ; дошло даже до того, что и въ странахъ, гдѣ она воздѣлывалась наиболѣе, отъ ея послѣдователей требуется теперь столько же мужества, какъ отъ врачей среди разъяренной черни во время губительнаго повѣтрія. Никто уже не сомнѣвается, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь, когда говорятъ: эта наука безъ чувства и сердца — *cette science sans entrailles*. Политическая Экономія теперь подъ судомъ за всѣ бѣдствія, отъ которыхъ терпитъ современное человѣчество.

При такомъ положеніи дѣла, вѣрные служители науки не могутъ оставаться въ бездѣйствіи: знамя ихъ оскорблено, ихъ святыня предана поруганію. Станемъ же крѣпко, и если намъ не удастся вервѣемъ изгнать нечестивцевъ изъ храма, по крайней мѣрѣ останемся въ немъ сами, чтобъ свѣтильникъ не погасъ совершенно.

Главное обвиненіе науки теперь заключается въ томъ, что она, потерявъ изъ виду существенную ея цѣль — общее благосостояніе, совершенно пренебрегаетъ участію огромнаго большинства — класса работниковъ, а если и обращаетъ иногда вниманіе на ихъ бѣдствія, то не

предлагаетъ никакихъ средствъ для ихъ облегченія, или же предлагаетъ только палліативныя и недѣйствительныя. Прочтемъ лучше самый актъ обвиненія, какъ онъ составленъ двумя краснорѣчивыми противниками.

Въ мірѣ Политической Экономіи, говоритъ Buret въ извѣстномъ его сочиненіи, не власти разумной поручено распредѣленіе плодовъ производства между различными его дѣателями: вознагражденіе труда предоставлено прихоти слѣпой силы. Гражданственность, при всѣхъ ея успѣхахъ, не могла еще найти распредѣлителя смысленіе древняго Плутуса, этого безсмысленнаго божества съ толстою повязкой, надъ которымъ такъ пріятно издѣвалась муза Аристофана. Слепая сила, которая опредѣляетъ долю трудящихся въ произведеніяхъ труда, это *конкуренція*, — верховное начало, изъ котораго Политическая Экономія сдѣлала какой-то *fatum* для народовъ.

Еще сильнѣе выражается Ламартинъ въ своемъ сочиненіи *du droit au travail*. Политическая Экономія, по его мнѣнію, обращается съ людьми, какъ съ мертвыми количествами; она говоритъ цифрами изъ страха, чтобы въ ея системы не вкралось какое нибудь чувство или идея; изъ общества производителей она дѣлаетъ родъ безстрастной ариѳметики и безчувственнаго механизма, гдѣ работники суть колеса, гдѣ все рѣшается барышомъ или убыткомъ подъ столбцомъ чиселъ, не обращая вниманія на то, что эти количества суть люди, что эти колеса суть разумныя существа, что эти цифры суть жизнь, нравственность, потъ, тѣло, душа милліоновъ существъ, намъ подобныхъ, и созданныхъ Богомъ для одной съ нами участи. Эта наука, которая до сихъ поръ писала, учила и управляла, запрещаетъ милостыню, обвиняетъ нищенство, ничего не давъ нищимъ, порицаетъ госпитали, осуждаетъ богадѣльни, ставитъ бѣдность внѣ закона, прокликаетъ избытокъ народонаселенія, возбраняетъ браки, совѣтуетъ безплодіе, запираетъ воспитательныя дома и, предоставляя все безжалостно конкуренціи, этому провидѣнію эгоизма, говоритъ пролетаріямъ: «работайте.» — Да мы не находимъ работы. — „Такъ умирайте. Когда вы ничего не про-

изводите, вы не имѣете права жить; общество есть счетъ строго выведенный.

Мы пройдемъ молчаніемъ все ложное, неточное и сбивчивое въ отдѣльныхъ выраженіяхъ приведенныхъ мѣстъ, не обратимъ вниманія и на злоупотребленіе дара говорить краснорѣчиво. Мы остановимся только на главной мысли. Она ясна: бѣдственное положеніе рабочаго класса, какое представляютъ нѣкоторыя государства западной Европы, есть слѣдствіе начала свободного соперничества, вольной промышленности, свободы труда. Это начало открыто, признано и введено въ дѣйствительную жизнь Политической Экономіей. Слѣдовательно на Политическую Экономію падаетъ всею своею тяжестью отвѣтственность за бѣдствія страждущаго человѣчества.

Начало вольной промышленности, по которому каждый въ употребленіи своихъ производительныхъ силъ и вообще въ своей хозяйственной дѣятельности предоставляется самъ себѣ, — это начало дѣйствительно есть дѣло Политической Экономіи. Оно было, можно сказать, первымъ лучемъ новаго свѣта, который разлила наука. Зданіе общественной и экономической жизни въ Европѣ, по паденіи Римской Имперіи и послѣ бурь переселенія народовъ, воздвигнуто было опять на вѣчномъ основаніи благоустроеннаго общежитія — на земледѣліи. Особенный характеръ, который теперь приняла эта жизнь, опредѣлялся преимущественно способомъ раздѣленія земельной собственности. Это раздѣленіе произошло не въ слѣдствіе свободной дѣятельности частныхъ людей и по большей части было не плодомъ труда, а дѣломъ меча. При такомъ способѣ приобрѣтенія большая часть земли досталась въ руки завоевателей, ихъ вассаловъ и чиновниковъ, между тѣмъ какъ масса народонаселенія непосредственно, или дѣйствіемъ естественнаго сщъпленія причинъ и слѣдствій, поставлена была въ зависимое положеніе. Въ теченіе времени возвысившаяся духовная власть получила также значительную часть въ первоначальныхъ владѣніяхъ Государей и въ земляхъ вновь завоеванныхъ. Изъ этого от-

ношенія Государей, Дворянства и Духовенства къ большой массѣ трудящагося народонаселенія связался узелъ интересовъ, правъ и обязанностей, которыя заключили хозяйственную дѣятельность народа въ извѣстныя, однажды установленныя, формы.

Въ постепенномъ ходѣ развитія, съ успѣхами торговли и промышленности руководѣльной, на владѣніяхъ Государей, на земляхъ Дворянства и Духовенства, отдѣлилась новая вѣтвь общественной жизни — Гражданство. Мало по малу, среди борьбы внутренней и внѣшней, подъ вліяніемъ постоянно развивающейся промышленности, въ городахъ образовалось цеховое устройство, искусственная организація дѣятельности ремесленной и торговой, которая каждому члену общества должна была обезпечить средства существованія, его право и честь, но въ тоже время для каждаго мастера, каждаго цеха и каждаго города назначала извѣстный опредѣленный кругъ дѣйствія.

Эти основанія общественнаго зданія, не смотря на то, что съ успленіемъ монархической власти самоуправство отдѣльных сословій ограничивалось все болѣе и болѣе, въ сущности оставались тѣже самыя до конца прошедшаго столѣтія; даже можно сказать, что совершенно въ духѣ цеховыхъ учрежденій, которыя имѣли въ виду ограниченіе посторонняго соперничества и обезпеченіе сбыта, произошли и общія мѣры меркантильной системы, которая въ сущности есть ничто иное, какъ хозяйственная политика городовъ, примѣненная къ цѣлому государству.

Противъ этой-то искусственной организаціи хозяйственной дѣятельности народа, которая въ свое время могла имѣть разумное значеніе, но потомъ сдѣлалась стѣснительною, въ прошедшемъ столѣтіи возсталъ сильная оппозиція, которая въ наукѣ выразилась ученіемъ Физіократовъ, провозгласившихъ совершенно противоположное начало: laissez faire et laissez aller. — Это же направленіе преобладаетъ и въ безсмертномъ твореніи отца науки, а также болѣе или менѣе въ сочиненіяхъ всѣхъ его послѣдователей.

Подъ вліяніемъ свѣта, разлитого новымъ ученіемъ, начало свободной промышленности въ теченіе времени все болѣе и болѣе проникало въ дѣйствительную жизнь. — И каковы были слѣдствія?

Промышленность въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сдѣлала успѣхи и произвела чудеса, о которыхъ наши предки и мечтать не смѣли. Съ этимъ не могли не согласиться даже самые ожесточенные противники науки: факты безчисленные и неопровержимые заставляютъ ихъ признать торжество ея въ этомъ отношеніи. Но въ тоже время они утверждаютъ, что всѣми успѣхами и чудесами промышленности воспользовались только промышленники и капиталисты, а положеніе работниковъ отъ того сдѣлалось еще тягостнѣе и во многихъ случаяхъ даже совершенно невыносимымъ. Начало свободного соперничества, говорятъ они, произвело въ промышленности анархію, разрозненность интересовъ, *bellum omnium contra omnes*, всеобщую борьбу, въ которой слабые сдѣлались жертвою сильныхъ. —

Но я спрашиваю всякаго, кто разсуждаетъ: возможно ли, чтобъ успѣхи промышленности, притомъ успѣхи такіе быстрые и неслыханные, какими ознаменовалось наше время, послужили ко вреду самыхъ главныхъ въ ней дѣйствователей? Возможно ли и возможно ли именно при началѣ свободного соперничества, чтобы всѣми выгодами завладѣли одни промышленники и капиталисты? Когда промышленность усиливается и распространяется, то требованіе на работу необходимо увеличивается, какъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ примѣръ именно тѣхъ отраслей промышленности, которыя сдѣлали наибольшіе успѣхи. А чѣмъ требованіе на работниковъ больше, тѣмъ плата ихъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, выше и слѣдовательно положеніе лучше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усовершенствованія способовъ производства, въ которыхъ успѣхи промышленности выразились преимущественно, имѣютъ естественнымъ слѣдствіемъ своимъ дешевизну произведеній, которая и при той же денежной платѣ дѣлаетъ возможнымъ совершеннѣйшее удовлетвореніе нуждъ. Слѣдовательно, если бы положеніе рабочаго

класса съ успѣхами промышленности и не улучшилось, или даже сдѣлалось хуже; то причина такого печальнаго явленія должна заключаться не въ началѣ свободнаго соперничества, которому промышленность обязана своими успѣхами, а въ чемъ нибудь другомъ, что уничтожаетъ дѣйствіе усилившагося требованія на работу и уменьшившейся цѣны произведеній.

Столь же неосновательно мнѣніе, что при началѣ свободной промышленности интересъ работниковъ всегда противоположенъ интересамъ промышленниковъ и капиталистовъ. Ежедневный опытъ показываетъ, что доходъ промышленника и плата работника всегда возвышаются или понижаются вмѣстѣ: оба получаютъ больше, когда дѣло идетъ успѣшно; оба терпятъ, когда обстоятельства неблагопріятны. Вездѣ, гдѣ есть соперничество, промышленники не могутъ поживиться отъ пониженія заработной платы, потому что оно немедленно повлекло бы за собою пониженіе цѣны произведеній, и имъ воспользовались бы только потребители. Поэтому они не имѣютъ никакой выгоды уменьшать плату работниковъ, и обыкновенно получаютъ наиболѣе дохода, когда плата высока.

Равнымъ образомъ капиталъ, вообще говоря, безплоденъ безъ содѣйствія труда, а трудъ производителенъ только въ слабой степени безъ пособія капитала. Между обоими дѣятелями производства существуетъ самое сильное сродство: они другъ друга ищутъ, другъ друга оплодотворяютъ. Работники даютъ возможность получать отъ капитала прибыль, а всякій вновь образовавшійся капиталъ есть какъ бы вѣчный фондъ для содержанія извѣстнаго числа работниковъ. Гдѣ же это несчастное противорѣчіе между интересами капиталистовъ и тѣхъ, которые трудомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе? Замѣна силы человеческой машинами есть единственный случай, гдѣ такое противорѣчіе можетъ обнаружиться. Но послѣ всего, что сдѣлано наукой для объясненія этого предмета, мы въ правѣ не повторять здѣсь доказательствъ

въ подтвержденіе той истины, что затруднительное положеніе работниковъ, вслѣдствіе введенія машинъ, есть только зло преходящее и, по причинѣ медленности, съ которою онѣ изобрѣтаются и входятъ въ общее употребленіе, совсѣмъ не столь обширное, какъ это представляютъ себѣ обыкновенно, въ послѣднемъ же результатѣ введеніемъ машинъ требованіе на трудъ не только не сокращается, но еще значительно усиливается и нерѣдко даже въ тѣхъ самыхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ онѣ вводятся. Мысль объ антагонизмѣ между капиталомъ и трудомъ произошла вѣроятно отъ того, что въ производствѣ матеріальномъ промышленниками могутъ сдѣлаться только тѣ изъ работниковъ, которые располагаютъ нѣкоторымъ капиталомъ, или отличаются особенными способностями; всѣ же прочіе должны довольствоваться платою, которая рѣдко позволяетъ улучшить ихъ положеніе. Но этотъ фактъ нисколько не доказываетъ, чтобъ интересы капиталистовъ и людей способныхъ только къ простой работѣ дѣйствительно были противоположны; напротивъ тѣ и другіе связаны крѣпкими узами взаимности, тѣмъ болѣе, что умноженіе капиталовъ не только не уменьшаетъ числа промышленниковъ, но даже облегчаетъ для всѣхъ пріобрѣтеніе этого самостоятельнаго положенія, доставляя каждому возможность воспользоваться матеріальными для того условіями за цѣну болѣе умѣренную. Къ тому же, всѣ произведенія въ послѣднемъ анализѣ суть плоды труда и плоды капитала, слѣдовательно чѣмъ болѣе капиталовъ, тѣмъ болѣе плодовъ капитала, и тѣмъ болѣе ихъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, получается въ мѣнѣ за плоды того же самаго труда.

Такимъ образомъ не подвержено никакому сомнѣнію, что свободное соперничество, содѣйствуя успѣхамъ промышленности, доставляетъ выгоды всѣмъ ея дѣятелямъ, какъ и вся масса потребителей обязана ему пониженіемъ цѣны и усовершенствованіемъ произведеній.

Вообще, это начало, кромѣ того, что оно есть выраженіе личной самостоятельности, должно быть признано, какъ жизнен-

ная сила, дѣйствующая въ народномъ хозяйствѣ. Оно побуждаетъ къ дѣятельности и заставляетъ каждого избирать такой родъ ея, который всего болѣе соотвѣтствуетъ особеннымъ его способностямъ, слѣдовательно такой, въ которомъ онъ можетъ произвести самые обильные результаты. При этомъ каждый производитъ не слѣпо что нибудь безъ различія, а именно то, въ чемъ чувствуется наибольшая потребность; ибо за всякое произведеніе платится тѣмъ больше, чѣмъ болѣе оно требуется, и слѣдовательно чѣмъ болѣе оно нужно. Этимъ способомъ особенныя дѣятельности, изъ которыхъ каждая порознь проистекаетъ изъ побужденія своекорыстнаго, въ общей совокупности ведутъ къ удовлетворенію нуждъ цѣлаго общества, и народное хозяйство, которое съ перваго взгляда представляется простымъ скопленіемъ хозяйствъ частныхъ, принимаетъ характеръ живаго организма, который составляется изъ безчисленныхъ и въ безконечномъ разнообразіи сплетающихся дѣятельностей, не полныхъ самихъ по себѣ, но взаимно одна другую пополняющихъ; напряженныя усилія, бдительность, расчетъ и соображенія милліоновъ людей, движимыхъ личнымъ интересомъ, производятъ *естественный порядокъ*, который никакая человѣческая мудрость, никакая человѣческая власть не въ состояніи замѣнить *организацией искусственной и произвольной*.

Итакъ свободное соперничество есть главное начало общественнаго механизма: оно возбуждаетъ производительныя силы, поддерживаетъ ихъ въ непрерывной, неослабной дѣятельности, и чрезъ то умножаетъ массу произведеній. Въ тоже время, при широкомъ и искреннемъ примѣненіи этого начала, распредѣленіе произведеннаго между отдѣльными членами общества бываетъ самое ровное, т. е. самое справедливое. Истинное равенство въ этомъ отношеніи безконечно различно отъ совершеннаго уровня. Нельзя назвать налогъ ровнымъ, когда всѣ платятъ одинаковую сумму; и распредѣленіе того, что производитъ народъ, не было бы ровное, когда бы каждый получалъ тоже, что и другой. Очевидно, доля каждого члена общества должна соотвѣтствовать мѣрѣ, въ какой онъ своимъ трудомъ, или капиталомъ со-

дѣйствовалъ произведенію того, что дѣлится; вознагражденіе должно соразмѣряться съ величиною оказанной услуги; услуга же въ этомъ случаѣ больше или меньше, смотря потому, въ какой степени она способствуетъ достиженію цѣли — удовлетворенію нуждъ; но при свободномъ соперничествѣ всякая вещь и услуга имѣетъ цѣну, смотря по тому, въ какой мѣрѣ она нужна. Поэтому свободная конкуренція распределяетъ произведенія по закону строжайшей справедливости: она не оказываетъ никому снисхожденія; она не имѣетъ ни чувства, ни состраданія; но за то она совершенно безпристрастна, и если ея приговоръ иногда бываетъ жестокъ и ужасенъ, то никогда не бываетъ и слѣдствіемъ прихоти. Наука принимаетъ это суровое начало потому, что не вѣритъ въ возможность чудеснаго преобразованія нашего существа, и почитаетъ благосостояніе общества невѣрнымъ, если бъ оно не имѣло никакого другаго обезпеченія, кромѣ доблести его членовъ. Уважая великодушіе и самоотверженіе, гдѣ они встрѣчаются, она не думаетъ, чтобъ Провидѣніе этимъ чувствамъ ввѣрило сохраненіе и управленіе міра. Напротивъ, основываясь на истинной природѣ человѣка, она всего болѣе полагается на здраво понимаемый личный интересъ, въ томъ убѣжденіи, что Творецъ установилъ совершенное согласіе между истинной пользою и законами справедливости, нравственности и человеколюбія.

Впрочемъ начало свободного соперничества — *laissez faire et laissez aller* — никогда и нигдѣ не существовало вполнѣ на самомъ дѣлѣ, и даже наука, его открывшая, не принимаетъ его безусловно. Напротивъ, она требуетъ для него ограниченій не только изъ уваженія ко всякому праву, но и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ своекорыстіе является въ противорѣчій съ общею пользою; даже предлагаетъ особенныя мѣры, гдѣ оно оказывается недостаточнымъ для произведенія всѣхъ желаемыхъ результатовъ. Это именно составляетъ предметъ практической части Политической Экономіи или Хозяйственной Политики, которая излагаетъ средства, какими можно содѣйствовать успѣхамъ

народнаго хозяйства и совершеннѣйшему достиженію его конечной цѣли — удовлетворенію нуждъ всѣхъ и cadaго.

Изъ этого видно, какъ неосновательно многіе упрекаютъ науку въ томъ, будто она занимается одними отвлеченностями, и въ дѣйствительности все предоставляетъ дѣйствию конкуренціи. Болѣе близкое знакомство съ содержаніемъ науки показало бы ея хулителямъ, что она теперь вовсе не ограничивается теоретическими вопросами и въ попеченіи объ общемъ благосостояніи предлагаетъ различныя практическія мѣры и учрежденія именно на томъ основаніи, что предполагаемая цѣль дѣйствіемъ свободной конкуренціи не можетъ быть достигнута вовсе, или по крайней мѣрѣ столь же совершенно.

Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ этихъ практическихъ мѣръ науки составляетъ бѣдственное положеніе тѣхъ, которые, при естественномъ раздѣленіи общей массы произведеній, не получаютъ вовсе ничего, или получаютъ только слишкомъ скудныя доли. При системѣ свободнаго соперничества, каждый самъ отвѣчаетъ за себя, и каждый получаетъ столько, сколько производитъ. Никому нельзя дать ни силъ, ни доброй воли трудиться, и потому свободное соперничество само по себѣ не можетъ обезпечить общество противъ бѣдствія отдѣльныхъ его членовъ, какъ жизненная сила сама по себѣ не предотвращаетъ всякаго возможнаго разстройства въ организмѣ. Болѣе или менѣе достовѣрные факты Исторіи и Статистики показываютъ, что положеніе рабочаго класса теперь скорѣе улучшилось, нежели сдѣлалось хуже въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Однакожь нельзя считать и вымышленнымъ всего, что говорятъ и пишутъ о бѣдствіяхъ этого многочисленнѣйшаго сословія въ странахъ самыхъ богатыхъ. Лучи гражданственности, проходя сквозь широкую массу средняго сословія, едва коснулись простаго народа. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что зло существуетъ; скажемъ болѣе: оно существуетъ на Западѣ въ ужасающихъ размѣрахъ и въ формахъ самыхъ возмутительныхъ. Но наука и не закрываетъ глазъ предъ нимъ, не отказывается помогать ему. Свобод-

ная конкуренція конечно не имѣетъ ни сердца, ни религіи; но и религія и сердце есть во всякомъ обществѣ людей, и только клеветники распространили слухъ объ наукѣ, будто она немѣющимъ средствъ пропитанія отвѣчала: умирайте. Правда, Политическая Экономія, даже и въ практической ея части, не занимается пауперизмомъ исключительно, потому что предметъ ея составляетъ все народное хозяйство, а не какое нибудь отдѣльное, къ нему относящееся явленіе. Притомъ содѣйствіе успѣшному развитію всего организма есть самое дѣйствительное средство для устраненія неправильностей въ отдѣльныхъ его отправленіяхъ. Все, что споспѣшествуетъ народному хозяйству, необходимо въ большей или меньшей мѣрѣ противодѣйствуетъ бѣдности. Въ этомъ смыслѣ Политическую Экономію справедливо, вмѣстѣ съ Сисмонди, можно назвать теоріей благотворительности въ большомъ размѣрѣ—*en grand la théorie de la bienfaisance*. Но въ тоже время она занимается еще бѣдностію въ особенности, и это именно тотъ предметъ, относительно котораго она не хочетъ ограничиваться одними отрицательными мѣрами. Недавно появилась даже мысль объ отдѣльной вѣтви науки, подъ названіемъ: *économie charitable*, мысль, которая не можетъ показаться странной для знающихъ сочиненіе Дежерандо о благотворительности общественной. Слѣдовательно, если дѣятельная любовь къ ближнему есть главная добродѣтель христіанская; то Политическая Экономія есть наука христіанская по преимуществу, въ самомъ чистомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Однакожь, говорятъ противники, все, что она ни сдѣлала въ этомъ отношеніи, ограничивается только средствами палліативными. Дѣйствовать противъ бѣдности подаваніями, какъ они выражаются, значитъ тоже, что выкачивать изъ корабля воду, когда скважины открываютъ для нея свободный входъ. Но что же дѣлать, когда вода уже накопилась и вообще пока скважины не закрыты? Да и возможно ли такое устройство корабля, которое бы предотвращало совершенно всякое накопленіе воды? Возможно ли такое устройство общественное, которое бы устраняло всѣ причины, производящія бѣдность? Совершенство для цѣлаго об-

щества, въ какомъ бы то ни было отношеніи, столь же мало возможно, какъ и для отдѣльнаго человѣка. До сихъ поръ бѣдность существовала всегда и вездѣ, а потому весьма естественно полагать, что она и никогда не прекратится совершенно: *всегда нищія имате съ собою!* Можетъ быть даже, она нужна и для тѣхъ, которые терпятъ, и для тѣхъ, которые помогаютъ. Былоли бы столько же любви на землѣ, если бы не было страданій? Чѣмъ замѣнились бы тогда эти истинно-человѣческія узы, которыя сплетаются изъ чувствъ милосердія и признательности? Итакъ, какого бы совершенства ни достигло общество, благотворительность всегда сохранить въ немъ свое право и свое высокое значеніе. Она никогда не исцѣлитъ язвы, но всегда будетъ облегчать страданія, никогда не уничтожитъ бѣдности, но всегда останется единственнымъ средствомъ для облегченія участи бѣдныхъ, которые уже есть. Наука съ своей стороны показываетъ способъ устроить благотворительность рационально для того, чтобъ предполагаемая цѣль достигалась тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе. Но она этимъ еще не ограничивается. Излагая мѣры для призрѣнія бѣдныхъ, она въ то же время указываетъ и на средства, которыя нельзя назвать палліативными, потому что они болѣе или менѣе подавляютъ зло въ самомъ его источникѣ. Главнѣйшее изъ этихъ средствъ есть воспитаніе.

Провидѣніе хотѣло, чтобъ человѣкъ преимущественно самъ былъ виновникомъ своей участи. Въ этомъ заключается и его высокое достоинство. Конечно нельзя отрицать и вліянія обстоятельствъ внѣшнихъ; однакожь положеніе каждаго всего болѣе опредѣляется его личными свойствами. Число бѣдныхъ между трудолюбивыми и порядочными работниками незначительно въ сравненіи съ огромной массой тѣхъ, которые суть жертвы лѣности, невоздержности и безпорядочной жизни. Всѣ безпристрастные наблюдатели согласны въ томъ, что въ этихъ дурныхъ навыкахъ и порочныхъ наклонностяхъ заключается главная причина бѣдности. Дѣйствительно, еслибъ мы могли сосчитать всѣ силы, утраченныя въ произвольной праздности, всѣ способности, разрушенныя недѣлительностію и невоздержаніемъ, всѣ цѣнности, издержанныя на потреб-

леніе излишнее и безразсудное; то увидѣли бы ясно, почему даже въ странахъ, славныхъ своимъ богатствомъ, столь многіе терпятъ недостатокъ. Вильневъ Баржемонъ въ своемъ мемуарѣ, читанномъ въ Парижской Академіи, о вліяніи страстей на бытъ экономическій, основываясь на приблизительныхъ соображеніяхъ, опредѣляетъ ежегодную потерю Франціи, вслѣдствіе порочныхъ привычекъ и лѣности, въ 1416 мил. франк., что представляетъ необходимыя издержки $8\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей! Въ Англіи рабочій классъ, какъ полагаютъ, ежегодно издерживаетъ на крѣпкіе напитки слишкомъ 25 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; это сумма, которая достаточна для необходимаго содержанія болѣе 600,000 семействъ, или 5 милліоновъ жителей обою пола и всякаго возраста. Прибавьте къ этому всѣ потери, которыя влечетъ за собою несчастная страсть, отвлекая отъ дѣла, нарушая порядокъ въ хозяйствѣ, разслабляя тѣлесныя и душевныя силы, и вы не удивитесь, если ей приписываютъ въ Англіи $\frac{2}{3}$, а въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ $\frac{3}{4}$ всей бѣдности. Но, говорятъ, слабости и пороки, которые производятъ бѣдность, сами суть слѣдствіе бѣдности. Безъ всякаго сомнѣнія и бѣдственное положеніе, когда оно продолжительно, разрушаетъ нравственныя силы человѣка, подавляетъ энергію души, и такимъ образомъ ведетъ къ порочной жизни. Бѣдствіе матеріальное и бѣдствіе нравственное связаны весьма тѣсно: они взаимно другъ друга поддерживаютъ, и другъ друга производятъ. Этимъ врачеваніе зла затрудняется чрезвычайно: бѣдность препятствуетъ пріобрѣтенію свойствъ, необходимыхъ для ея избѣжанія; слабости нравственныя не позволяютъ пріобрѣсти довольство, нужное для ихъ исправленія. Что же дѣлать? Съ чего начать? Весьма часто говорятъ: дайте рабочему классу благосостояніе — и онъ будетъ лучше. Но развѣ благосостояніе дается какому нибудь цѣлому сословію, особенно тому, которое составляетъ несравненно большую часть всего народонаселенія? Оно можетъ быть только плодомъ его собственнаго трудолюбія и расчетливости. Слѣдовательно ясно, что надобно начать съ исправленія нравственнаго: безъ этого участіа рабочаго класса не облегчатъ ника-

а это значитъ
и т. м. м. м. м.
на п. м. м.

м. м. м. м. м.
м. м. м. м. м.
м. м. м. м. м.

м. м. м. м. м.
м. м. м. м. м.
м. м. м. м. м.

кія учрежденія общественныя, никакія жертвы прочихъ сословіи. Нужно ли послѣ этого говорить, что вся тайна заключается въ воспитаніи рабочаго класса? Мы не разумѣемъ здѣсь подъ воспитаніемъ обученіе грамотѣ: искусство читать и писать есть только орудіе, изъ котораго можетъ быть сдѣлано употребленіе и нѣтъ, а что еще хуже, можетъ быть сдѣлано употребленіе вредное. Нѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ о томъ въ строгомъ смыслѣ нравственномъ воспитаніи, которое имѣетъ въ виду самое существенное въ человѣкѣ, — его волю и самый корень воли. Напрасно нѣкоторые экономисты упрекаютъ Парижскую Академію, что она по предмету Политической Экономіи предложила на 1848 годъ задачу, которая будто не принадлежитъ къ области этой науки, а именно: критическое изслѣдованіе системы обученія и воспитанія Песталоцци, преимущественно въ отношеніи къ благосостоянію и нравственности бѣдныхъ классовъ народа. Педагогика и судьба рабочаго класса связаны между собою весьма тѣсно. До сихъ поръ масса народонаселенія, говоря вообще, для улучшенія своего положенія не умѣла надлежащимъ образомъ воспользоваться личной самостоятельностью, которая ей была дана исторіей: многіе изъ свободы труда сдѣлали для себя свободу праздности и безпорядочной жизни. Этому злу можетъ противодействовать только воспитаніе, которое въ каждомъ до послѣдняго бѣдняка поселяетъ сознаніе нравственнаго достоинства; а къ этому-то и стремился всегда величайшій изъ педагоговъ, которому признательное потомство созидаетъ памятники. Такое воспитаніе, развивающее нравственную силу въ человѣкѣ, есть дѣйствительнѣйшее средство и противъ того недостатка низшихъ классовъ, который безъ сомнѣнія составляетъ самую главную изъ причинъ, производящихъ бѣдность. Этотъ недостатокъ есть непредусмотрительность.

Если невѣжество и нравственное равнодушіе закрываютъ для работника будущность; то онъ мало помышляетъ объ ней и живетъ только въ настоящемъ. Такая беззаботность обыкновенно повергаетъ его въ тягостное положеніе, изъ котораго уже трудно выйти. Мало по малу онъ теряетъ всякую надежду на успѣхъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ

еще болѣе предается безпечности и слѣпо слѣдуетъ влеченіямъ своихъ чувствъ, ни мало не разсуждая о послѣдствіяхъ. Особенно эта слабость обнаруживается въ легкомысліи, съ которымъ рабочій классъ размножается. Для того, кто лишенъ другихъ наслажденій, жизнь семейная имѣетъ особенную прелесть, и если она весьма часто оканчивается тѣмъ, что увеличиваетъ бѣдствіе, то начинается всегда тѣмъ, что заставляетъ его забыть. По этому браки въ низшемъ сословіи обыкновенно заключаются весьма рано. Въ настоящее время, въ западной Европѣ, этому много способствуетъ еще особенное положеніе рабочаго класса, которое есть слѣдствіе новаго экономическаго быта. Прежде, частію зависимость отъ чужой воли, частію постановленія цеховыя болѣе или менѣе ограничивали вступленіе въ бракъ. Теперь эти внѣшнія ограниченія не существуютъ, и въ то же время для всякаго открыта возможность, тѣмъ или другимъ способомъ, пріобрѣтать необходимое содержаніе. Но и въ этомъ случаѣ, какъ вездѣ, человекъ весьма легко возможность принимаетъ за вѣроятность, а вѣроятность за извѣстность, и такимъ образомъ легкомысленный работникъ дѣлается отцомъ семейства прежде, нежели найдетъ вѣрныя средства для его пропитанія. Самая эта невѣрность способовъ существованія весьма часто поддерживаетъ легкомысліе. Вслѣдствіе новаго вида, какой въ настоящее время многія отрасли промышленной дѣятельности приняли въ западной Европѣ, чрезвычайно увеличилось число тѣхъ, которые цѣлую жизнь не могутъ пріобрѣсти для себя обезпеченнаго положенія. Такова вся огромная масса поденщиковъ и работниковъ фабричныхъ. Эти люди вообще не имѣютъ въ виду никакой определенной перемѣны въ своемъ внѣшнемъ положеніи, которая бы могла побудить ихъ отложить вступленіе въ бракъ до извѣстнаго срока, какъ это дѣлается напр. въ званіи ремесленниковъ, художниковъ, чиновниковъ и т. п. Для нихъ все равно жениться тотчасъ, или нѣсколькими годами позже, и они предпочитаютъ первое, тѣмъ болѣе, что съ упрощеніемъ работъ, вслѣдствіе ихъ раздѣленія и распространившагося употребленія машинъ, и жена и дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ могутъ пріобрѣтать сами значительную часть того, что необходимо для ихъ содержанія.

По всѣмъ этимъ причинамъ рабочій классъ умножается быстро, по крайней мѣрѣ вообще быстрѣе, нежели прочія сословія. Съ такою же быстротою, очевидно, должно усиливаться и предложеніе труда. Между тѣмъ приращеніе капиталовъ, которые необходимы для занятія работниковъ, какъ извѣстно, всегда совершается довольно медленно. Отсюда происходитъ перевѣсъ предложенія труда надъ его требованіемъ, который всегда влечетъ за собою пониженіе заработной платы, опредѣляющей благосостояніе рабочаго класса. Во многихъ странахъ съ успѣхами промышленности требованіе на трудъ усилилось чрезвычайно, и между тѣмъ цѣна его или заработная плата не возвысилась видимо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже уменьшилась. Это явленіе могло быть только слѣдствіемъ еще въ большей пропорціи увеличившагося числа работниковъ. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться, что причиною бѣдственнаго положенія рабочаго класса бываетъ преимущественно чрезмѣрное его размноженіе. А если такъ, то нужно ли прибавлять, что въ немъ самомъ, въ его благоразуміи и твердой волѣ заключается средство возвысить свое благосостояніе.

Къ этому-то выводу именно относятся приведенные нами обвиненія науки въ томъ, что она прокликаетъ избытокъ народонаселенія, возбраняетъ браки, совѣтуетъ безплодіе. Какъ! восклицаютъ филантропы, бѣдный человѣкъ долженъ отказывать себѣ въ послѣдней отрадѣ, какую находитъ въ семейной жизни! — Но развѣ семейство всегда для бѣднаго человѣка составляетъ пріютъ счастія? Развѣ оно не бываетъ бременемъ, которое тяжестью своей увлекаетъ его въ бездну бѣдствія и страданій? Слыхали ль филантропы, какъ выражается иногда сѣтованіе, не говорю отцовъ, а даже матерей, при каждомъ новомъ приращеніи ихъ семейства, и какъ мало скрывается радость, когда Богъ возметъ къ себѣ лишняго гостя на пиру земномъ? Знаютъ ли они, сколько дѣтей сами родители собственными руками бросаютъ въ воспитательные дома? Чтобы предотвратить эти-то печальныя явленія, наука говоритъ: не слѣдуйте слѣпо побужденіямъ чувствъ и влеченіямъ сердца, не умножайте легкомысленно числа страдальцевъ на

земль. Но она никогда не осуждала работниковъ на безбрачную жизнь. Она только совѣтуетъ имъ не заключать браковъ безразсудно, и въ этомъ совѣтѣ нѣтъ ничего новаго: это то, что въ высшихъ сословіяхъ соблюдается строго и не рѣдко до излишества, изъ видовъ гораздо менѣе существенныхъ; почему же отъ этого долженъ быть освобожденъ классъ низшій, когда для него въ томъ заключается средство избѣгнуть бѣдственнаго положенія? Къ тому же, это такое средство, которое всегда становится тѣмъ менѣе нужнымъ, чѣмъ болѣе оно употребляется: потому что въ какой мѣрѣ уменьшается быстрое приращеніе числа работниковъ, въ такой же мѣрѣ увеличивается возможность для каждаго пріобрѣсти положеніе, въ которомъ бракъ не есть причина бѣдствія. Многіе предлагали, и нѣкоторыя законодательства приняли внѣшнія мѣры для ограниченія браковъ, но это никогда не можетъ вести къ предполагаемой цѣли, и только увеличиваетъ число связей незаконныхъ. И въ этомъ отношеніи всего надобно ожидать отъ образованія умственнаго и исправленія нравственнаго. А потому повторяю: вся тайна заключается въ воспитаніи; будемъ сами лучше, — и намъ будетъ лучше. Когда бы въ рабочемъ классѣ, какъ говоритъ Шербиолье, уменьшилось бѣдствіе нравственное, то и бѣдствіе физическое само собою заключилось бы въ его естественные предѣлы, а это все, чего можно ожидать отъ мѣры самой дѣйствительной и самой энергической. Безъ сомнѣнія бѣдность ни въ какомъ случаѣ не прекратилась бы совершенно, но осталась бы только бѣдность случайная, которая не была бы ни бичемъ, ни тяжестію невыносимою для цѣлаго народа; страданія частныя сохранились бы, но общество не удерживалось бы въ своемъ ходѣ, и не угрожало бы въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи общою язвою государственнаго тѣла, которая теперь въ странахъ наиболѣе образованныхъ повергаетъ въ дикость многочисленнѣйшее сословіе, и у самыхъ фокусовъ гражданственности скопляетъ цѣлыя массы враждебнаго ей народа.

Можно ли послѣ этого упрекать науку въ томъ, что она предлагаетъ для излѣченія зла только средства палліативныя, и вообще

справедлива ли та мысль, что Политическая Экономія, имѣя въ виду только богатство, совершенно забываетъ человѣка? Однакожь, говорятъ, зло тѣмъ не менѣе не сокращается, а, можетъ быть даже, постоянно распространяется все болѣе и болѣе. Упрекать въ этомъ Политическую Экономію, значить тоже, что подвергать Медицину отвѣтственности за то, что число болѣзней не уменьшается. Виновата ли наука, если ея не слушаютъ? Была ли бы она виновата даже и тогда, когда бы предлагаемая ею средства были не совершенно дѣйствительны? Ее можно было бы обвинить только въ томъ случаѣ, еслибы она упорно отвергала другія, болѣе дѣйствительныя. И въ самомъ дѣлѣ социалисты ставятъ Политической Экономіи въ вину именно то, что она не признаетъ ими самими составленныхъ рецептовъ для изцѣленія человѣчества отъ всѣхъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій. Посмотримъ теперь, что предлагаютъ они съ своей стороны.

Въ 1825 году умеръ раззорившійся представитель одной изъ древнѣйшихъ фамилій Франціи и, можетъ быть, потомокъ Карла Великаго — графъ Сень-Симонъ, который еще въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ приказывалъ будить себя словами: „встаньте, графъ, вамъ надобно дѣлать великія дѣла.“ По цѣли эти дѣла дѣйствительно были великія и должны были состоять въ преобразованіи человѣчества въ религіозномъ, социальномъ и экономическомъ отношеніи. Идея религіозная Сень-Симона — подчинить догматы вѣры и богослуженіе великой цѣли наискорѣйшаго улучшенія судьбы самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса; идея социальная — раздѣлить все человѣчество на три, по началамъ іерархіи устроенныя, категоріи: промышленныхъ людей, ученыхъ и художниковъ; идея экономическая — учредить управленіе производительныхъ силъ, ввѣренное главамъ изъ категоріи промышленниковъ, постановить вознагражденіе соразмѣрно оказаннымъ услугамъ, изгнать праздность уничтоженіемъ права наслѣдства. Эти идеи Сень-Симонъ завѣщалъ своимъ ученикамъ, которые развили изъ нихъ слѣдующее ученіе.

При настоящемъ положеніи общества, говорятъ они, только случай распредѣляетъ богатства и капиталы; отсюда столько неравенства, столько несправедливости и злоупотребленій. Надобно слѣдовательно отыскать начала болѣе разумныя. Извѣстна ихъ формула: *каждому по его способности и каждой способности по ея дѣламъ* (à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres). На этомъ основаніи они требуютъ уничтоженія всѣхъ привилегій, которыя даются происхожденіемъ, а слѣдовательно устраненія наслѣдства, величайшей изъ привилегій, которая заключаетъ въ себѣ всѣ прочія. Этимъ способомъ вся частная собственность должна перейти въ руки государства. Бракъ остается; но женщина во всемъ равна мужчине и союзъ расторгается по волѣ супруговъ; воспитаніе дѣтей должно быть общественное. Вся власть въ государствѣ, какъ свѣтская, такъ и духовная, должна принадлежать Верховному Отцу (Père suprême), который избирается, или, по ихъ выраженію, поставляетъ себя (se pose) самъ наитіемъ свыше. Онъ по необходимости есть самое способное и самое симпатическое изъ всѣхъ живыхъ существъ. Однимъ взглядомъ и какъ бы по вдохновенію онъ, этотъ живой законъ (la loi vivante), опредѣляетъ лѣствицу званій, іерархію способностей и таксу вознагражденій. Онъ самъ избираетъ своихъ совѣтниковъ, которые помогаютъ ему въ избраніи начальниковъ второстепенныхъ и такъ далѣе, до назначенія лицъ для занятій самыхъ низшихъ. Равнымъ образомъ Верховный Отецъ завѣдываетъ всѣмъ имуществомъ, которое онъ получаетъ путемъ наслѣдства. Земля и всѣ орудія труда, однимъ словомъ, капиталы раздаются тѣмъ, которые наиболее способны употребить ихъ съ пользою; вмѣсто землевладѣльцевъ, мануфактуристовъ, торговцевъ, должны быть чиновники земледѣлія, мануфактурной промышленности и торговли; каждый изъ нихъ получаетъ плату соразмѣрно его дѣламъ и пенсіонъ, поработавъ довольно.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Сень-Симона по улицамъ Парижа проходилъ человекъ уже пожилыхъ лѣтъ къ одному дому,

въ которомъ онъ каждый день въ опредѣленный часъ ожидалъ такъ называемаго имъ кандидата, т. е. кого нибудь, кто бы принесъ ему милліонъ для испытанія его ученія на самомъ дѣлѣ. Этотъ человѣкъ былъ Карлъ Фурье, который уже 30 лѣтъ носилъ въ своей головѣ новое устройство человѣческаго общества. Вотъ главныя его черты.

Какъ въ мірѣ вещественномъ силы, такъ въ мірѣ нравственномъ страсти соединяются въ одномъ общемъ стремленіи, которое можно назвать притяженіемъ (attraction). Различіе между побужденіями добрыми и дурными существуетъ только во мнѣніи людей, и если страсти теперь производятъ зло и безпорядокъ, причиною тому не сами страсти, а та среда, въ которой онѣ дѣйствуютъ, т. е. общественный бытъ. Задача состоитъ слѣдовательно въ томъ, чтобы найти такое устройство, при которомъ бы всѣ страсти, удовлетворяясь свободно, способствовали сохраненію всеобщаго порядка. Такое устройство водворило бы на землѣ царство всемірной гармоніи.

Чтобы достигнуть полного и гармоническаго удовлетворенія всѣхъ страстей, человѣку необходимо съ одной стороны сблизиться съ себѣ подобными, жить съ ними вмѣстѣ, съ другой трудомъ подчинить своей власти мірѣ вещественный. Слѣдовательно, основаніемъ всякаго раціональнаго общественнаго устройства должно быть распредѣленіе людей по ихъ *страстному притяженію* къ лицамъ и вещамъ, т. е. соотвѣтственно врожденному сродству, которое влечетъ одного къ другому, и которое побуждаетъ избирать извѣстный родъ дѣятельности предпочтительно предъ всѣми прочими; однимъ словомъ, надобно ввести симпатію во всѣ общественныя отношенія и сдѣлать трудъ привлекательнымъ; ибо для труда существуетъ два закона: законъ принужденія, который происходитъ отъ невѣжества людей, и законъ привлекательности, который данъ Богомъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, какъ внѣшнее условіе гармонической жизни, скопленіе въ одномъ мѣстѣ и совокупная дѣятельность извѣстнаго числа лицъ, котораго *minimum* опредѣляется необходимостію подраздѣленій соотвѣт-

ственно различнымъ отраслямъ человѣческаго труда, а maximum пространствомъ земли, которое можетъ быть воздѣлываемо удобно вокругъ одного промышленнаго центра.

По мнѣнію Фурье, надобно отъ 1500 до 1800 лицъ, на пространствѣ одной французской квадратной мили, чтобы составить *фалангу* (phalange), т. е. единицу, основную стихію гармоническаго общества, которая должна замѣнить собою сельскую общину настоящаго устройства. Вся эта фаланга должна жить въ одномъ огромномъ зданіи—фаланстерѣ (le phalanstère) и имѣть всѣ хозяйственныя заведенія обща. Одно обширное общее (sociétaire) хозяйство, вмѣсто 400 или 500 отдѣльныхъ мелкихъ хозяйствъ, увеличить безконечно удовлетвореніе потребностей, которое можетъ доставить извѣстное количество произведеній. Напримѣръ 400 кухней замѣнятся одной обширной и прекрасной кухней, въ которой лица съ особеннымъ призваніемъ къ поваренному дѣлу будутъ готовить въ огромномъ размѣрѣ пищу для всѣхъ жителей фаланстера; понятно, какое огромное сбереженіе должно быть въ результатѣ — сбереженіе, которое повторяется и на всѣхъ прочихъ предметахъ хозяйства. Въ то же время количество произведеній умножится чрезвычайно, если только сдѣлать трудъ привлекательнымъ. А въ фаланстерѣ онъ будетъ до крайности привлекателенъ и превратится въ забаву. Это потому во 1), что трудъ будетъ невынужденный и совершенно произвольный, какъ удовлетвореніе естественнаго побужденія къ дѣятельности; во 2) потому, что будетъ производиться не въ скучномъ одиночествѣ, а въ пріятномъ обществѣ симпатизирующихъ людей, которые подстрекаютъ другъ друга взаимнымъ соревнованіемъ и общимъ энтузіазмомъ; въ 3) потому, что не будетъ утомителенъ вслѣдствіе продолжительности одного и того же дѣла, а напротивъ будетъ совершенно нечувствителенъ отъ безпрестанной перемѣны занятій, изъ которыхъ каждое не должно продолжаться больше двухъ часовъ.

Огромная масса произведений, которая будетъ плодомъ забавнаго труда, должна раздѣляться соразмѣрно съ капиталомъ, трудомъ и талантомъ. Прежде отдѣляется то, что слѣдуетъ каждому изъ этихъ трехъ дѣятелей производства, а именно изъ 12 частей 4 на капиталъ, 5 на трудъ и 3 на талантъ. Потомъ происходитъ раздѣленіе между отдѣльными лицами. Въ $\frac{4}{12}$, определенныхъ капиталу, доля каждаго соотвѣтствуетъ цѣнности принадлежащихъ ему акцій, потому что въ фалангѣ есть только акціонеры: всѣ землевладѣльцы и капиталисты должны отказаться отъ своихъ земель и капиталовъ, и вмѣсто того получаютъ акціи, которыя могутъ переходить отъ одного къ другому и раздѣлены на купоны въ 10 франковъ, такъ что всякій можетъ удобно получать проценты отъ своихъ сбереженій.

Вознагражденіе за трудъ различно, смотря потому, каковы его произведенія: необходимы, полезны, или только пріятны. Въ последнемъ случаѣ плата бываетъ самая низкая, за трудъ полезный платится больше, а всего больше за трудъ необходимый; причина та, что работы необходимы почти всѣ непріятны и потому, чтобъ сообщить имъ привлекательность, надобно сдѣлать ихъ выгодными. Эта теорія равновѣсія совершенно въ пользу бѣднаго класса. Кромѣ того, каждый во всякомъ случаѣ обезпеченъ въ необходимомъ; потому что, какъ членъ фаланги, онъ имѣетъ право на minimum всѣхъ нужныхъ вещей, даже въ томъ случаѣ, когда отказывается работать, что можетъ быть только при разстройствѣ способностей.

Вознагражденіе за талантъ опредѣляется по степени, какую каждый занимаетъ въ іерархіи должностей, и которая дается путемъ избранія. Только гении, благодѣтели человѣчества, стоятъ внѣ этого закона: имъ вознагражденіе опредѣляетъ судъ присяжныхъ, которые собираются въ столицѣ міра. Представьте себѣ, что предъ этотъ судъ являются Жакартъ съ своимъ станкомъ, Ваттъ съ паровой машиной, Невтонъ съ теоріей тяготѣнія, Корнель съ лучшей изъ своихъ траге-

дій : тотчасъ назначается сумма , которую должна внести каждая фаланга. Пусть эта сумма не превышаетъ 5 франковъ; но умноженная на 500,000 фалангъ цѣлаго свѣта, она составитъ $2\frac{1}{2}$ милл. франковъ!

Воспитаніе въ фаланстерѣ должно быть общественное съ самаго рожденія. Бракъ можетъ быть исключительнымъ, но онъ можетъ также и расторгаться, когда супруги не находятъ въ немъ болѣе счастія. Вообще , по мнѣнію Фуріеристовъ , человѣкъ такъ упалъ , что нельзя вдругъ предоставить совершенную свободу въ любви, и что бракъ въ томъ видѣ , какъ онъ существуетъ теперь , долженъ сохраниться до тѣхъ поръ , пока человѣчество чрезъ нѣсколько поколѣній не будетъ совершенно преобразовано. Впрочемъ , стихійную частицу фаланги составляетъ не семейство, а группа въ 7 или 9 человѣкъ. Она образуется сама собою по взаимному притяженію душъ, и управляется главою, который избранъ членами. Отъ 24 до 32 группъ составляютъ серію, которой начальникъ избирается такъ же какъ и въ группѣ. Этимъ способомъ устанавливается правленіе фаланги , которой глава называется унархомъ. Также іерархія соблюдается и внѣ фаланги : дуархъ завѣдуетъ четырьмя, тетрархъ 48-ю фалангами и такъ далѣе до омніарха, который есть правитель всего земнаго шара. Каждый изъ престоловъ занимаетъ чета — мужчина и женщина , которые могутъ и не имѣть другихъ отношеній , кромѣ тѣхъ , которыя вытекаютъ изъ ихъ должности.

Какъ группы совокупляются въ серіи, а серіи въ фаланги, такъ и между отдѣльными фалангами образуется взаимная связь на основаніи общей пользы. Внѣ фалангъ устроятся обширныя складки, общія заведенія для наукъ и промышленности, памятники искусствъ. За тѣмъ возникнутъ небольшіе города, какъ общіе центры фалангъ, далѣе главные города провинцій и государствъ; наконецъ всемірная метрополія, для которой Фурье назначаетъ мѣсто при Босфорѣ. Промышленныя арміи, разсѣянныя по всему лицу земли, будутъ производить гигант-

скія работы и совершать чудеса искусства; быстрота сообщеній превратитъ весь земной шаръ въ отечество людей. Но и самая земля при новомъ устройствѣ измѣнитъ свой видъ. Полки гармоніи (les armées d'Harmonie) покроютъ лѣсами опустошенныя горы; полярныя страны процвѣтутъ и сдѣлаются обитаемыми, потому что у сѣвернаго полюса образуется вѣнецъ сѣвернаго сіянія, который будетъ разливать свѣтъ и теплоту; вся атмосфера измѣнится въ своихъ свойствахъ; не будетъ вредныхъ животныхъ, и самыя свирѣпыя будутъ слушаться голоса человѣка. Всего же болѣе усовершенствуется порода людей: сила и красота ея разовьются удивительно.

Вотъ гармоническое устройство общества, о которомъ цѣлую жизнь мечталъ бѣднякъ Фурье и которому онъ надѣялся самъ положить начало въ дѣйствительности. Съ этимъ міромъ волшебныхъ сказокъ представляется въ совершенной противоположности грубое варварство коммунизма. Въ подробности это ученіе представляетъ множество оттѣнковъ, какъ это доказываютъ, кромѣ системы Англичанина Owen и Нѣмецкихъ коммунистовъ, отличительныя названія разныхъ сектъ во Франціи: егалитаріевъ, фратернитаріевъ, гуманитаріевъ, унитаріевъ, коммунитаріевъ, коммунистовъ, коммуніонистовъ, коммунотистовъ, раціоналистовъ. Въ сущности же оно одно и то же: *общій трудъ, общеніе имущества, общеніе женъ, общественное воспитаніе, жизнь собица*; каждый трудится для общества, и отъ общества получаетъ все нужное. При этомъ можно различать въ коммунизмѣ двѣ главныя формы. Въ одной преобладаетъ равенство: члены общества должны быть равны во всемъ, для всѣхъ одинаковая мѣра труда и одинаковая доля въ произведеніяхъ (Babeuf, Darthé, Buonarotti, Cabet, Weitling). Въ другой господствуетъ произволъ: каждый долженъ работать только по внутреннему влеченію природы безъ всякаго вѣшняго принужденія, равно какъ наслаждаться соотвѣтственно естественнымъ потребностямъ безъ всякаго ограниченія (Dezamy, Villegardelle).

Изъ этого краткаго обозрѣнія ученій соціалистовъ видно, что коренной вопросъ ихъ совершенно не относится къ наукѣ народнаго хозяйства. Можетъ быть, первоначально поводомъ для нихъ послужило бѣдственное положеніе рабочаго класса; цѣль же, очевидно, есть преобразование всего общественнаго порядка, и выраженіе — организація труда у нихъ значить большею частію организація общества. Но этотъ вопросъ составляетъ предметъ философіи права и науки государственной въ общемъ смыслѣ. Политическая Экономія беретъ его такимъ, какъ онъ рѣшенъ этими науками и рассматриваетъ народное хозяйство, какое дѣйствительно существуетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, признанныхъ необходимыми, каково напримѣръ право собственности. Всѣ же теоріи, которыя отвергаютъ эти условія, ей совершенно чужды, и весьма естественно, если она ими пренебрегала какъ не относящимися вообще къ области науки созданіями воображенія. Порицать ее за то было бы столь же несправедливо, какъ и ставить естественнымъ наукамъ въ вину, что онѣ ничего и знать не хотятъ о вѣнцѣ сѣвернаго сіянія, отъ котораго измѣнится климатъ полярныхъ странъ, о морской водѣ, которая превратится въ лимонадъ, объ антикитахъ, которые при безвѣтріи будутъ двигать корабли, и о другихъ вымыслахъ Фурье. Когда бы соціалистамъ удалось водворить придуманную ими организацію общества, тогда и наука измѣнилась бы: она стала бы излагать явленія такъ, какъ бы онѣ происходили при новыхъ условіяхъ.

Но нельзя сомнѣваться, что такое преобразование общества никогда не осуществится. Есть здравый инстинктъ, который всѣ существа ведетъ къ цѣли. Онъ же привелъ людей къ устройству обществъ, которое существуетъ уже нѣсколько тысячелѣтій, и которое не можетъ быть разрушено, потому что основывается на природѣ человѣка. Измѣняются учрежденія гражданскія, перемѣняются внѣшнія формы общественной жизни, постановленія государственныя въ теченіи времени принимаютъ новый видъ. Но есть одно, что никогда не измѣняется; это человѣческое сердце: среди всѣхъ переворотовъ оно остается одно

и то же съ его могуществомъ и слабостію, съ его доблестями и ползновеніями. Въ немъ-то заключается самое полное обезпеченіе противъ преобразованій, которыхъ желаютъ соціалисты.

Жизнь собща противорѣчитъ безконечному разнообразію вкусовъ, равно какъ оскорбляетъ многія благородныя и возвышенныя чувства. Кто согласится принадлежать къ разряду явнобрачныхъ и быть членомъ общества, гдѣ, по выраженію Ламартина, мать — родильница, отецъ — производитель и дитя — продуктъ двухъ половъ?

Еще гораздо важнѣе то, что въ устройствѣ общественномъ соціалистовъ подавляется индивидуальная личность, которая составляетъ существеннѣйшую принадлежность человѣческой природы и интересъ выше всякаго интереса матеріальнаго. Человѣкъ не хочетъ, чтобы его изчезло въ обществѣ, онъ не хочетъ быть атомомъ въ безразличной массѣ себѣ подобныхъ, простымъ колесомъ въ машинѣ; напротивъ желаетъ въ кругу болѣе или менѣе обширномъ развивать свою творческую силу, распространять свою личность. Отсюда, какъ внѣшнее выраженіе этой личности, необходимо вытекаетъ самостоятельная дѣятельность, семейство и собственность. Способность свободно располагать своими дѣйствіями человѣкъ не промѣняетъ ни на какое благополучіе. Пословица говоритъ: хоть сухая корка, да своя волька. Каждый хочетъ самъ заботиться о себѣ, самъ хочетъ искать и приобрѣтать, что ему нужно, самъ избирать цѣли для своей дѣятельности и средства для ихъ достиженія. Это стремленіе къ самостоятельности имѣетъ свои границы, когда нуждается въ помощи, или встрѣчается съ подобнымъ же стремленіемъ другихъ. Но во всякомъ случаѣ оно составляетъ жизненное начало и существенное свойство человѣческой природы.

Точно также личность человѣка проявляется и въ семействѣ. Онъ ~~хочетъ~~ имѣть полную увѣренность, что его спутница жизни принадлежитъ ему одному, что потомство его есть его собственное, и коль скоро эта увѣренность существуетъ, то семейство дѣлаетъ

ся частию его существа; онъ сливается съ нимъ, любить его, печется о его сохраненіи и благосостояніи, точно такъ какъ бы оно составило часть его самого. Творецъ сказалъ: не хорошо быть человеку одному. Не поправляйте же того, что установлено Имъ: гдѣ прикоснулся Его перстъ, тамъ, право, переменить нечего. Плодиться человѣческій родъ конечно можетъ и безъ брака, при такъ называемомъ социалистами свободномъ союзѣ любви. Но чѣмъ вознаграждались бы тогда плоды духовные, которые производитъ сочетаніе душъ въ семействѣ? Какое педагогическое искусство могло бы замѣнить животворную силу любви родительской? Сколько зародышей добра должно было бы погибнуть въ холодной атмосферѣ общественнаго воспитанія, когда бы въ нее не проникали вовсе теплые лучи этого тайнодѣйственнаго чувства? Было бы тогда утрачено и обратное дѣйствіе дѣтей на родителей, которое такъ важно, хотя и понимается рѣдко: сознавая высокія и священные обязанности свои въ отношеніи къ дѣтямъ, родители болѣе прилагаютъ попеченія и о своемъ собственномъ усовершенствованіи нравственномъ.

Подобно естественному союзу съ извѣстными людьми, существуетъ, хотя разумѣется въ гораздо слабѣйшей степени, естественная связь человека съ извѣстными вещами. Когда онъ обнаруживаетъ свою дѣятельность, обращаетъ ее на вещи, то и эти вещи обратно дѣйствуютъ на него; съ одной стороны онъ выражаетъ въ нихъ свои мысли, съ другой принимаетъ отъ нихъ впечатлѣнія: такимъ образомъ предъ другимъ людьми онъ находится къ этимъ вещамъ въ извѣстномъ особенномъ отношеніи, называетъ ихъ своими. Ясно, что собственность есть распространеніе личности, а слѣдовательно въ какой мѣрѣ естествена и необходима личность, въ такой же мѣрѣ естествена и необходима собственность и именно собственность въ полномъ смыслѣ слова, которой не можетъ замѣнить ни *usufructus* Сенъ-Симонистовъ, т. е. временное пользованіе общимъ имуществомъ, ни отвлеченное право на проценты акціонеровъ Фурье, которое уничто-

жасть непосредственное отношеніе къ самымъ вещамъ. Въ этой-то естественной необходимости начала собственности заключается и причина его всеобщности. Всегда и вездѣ человѣкъ обросталъ вещами. Въ большей или меньшей мѣрѣ фактъ этотъ является у всѣхъ народовъ, даже въ самомъ первомъ періодѣ ихъ развитія, и если начало собственности сперва и не примѣняется еще къ почвѣ, то существуетъ въ отношеніи къ хижинѣ, оружію, одеждѣ, жизненнымъ припасамъ и домашнимъ животнымъ; впоследствии оно все болѣе и болѣе распространяется и на поле, которое человѣкъ засѣялъ и удобрилъ своимъ потомъ. При этомъ человѣкъ владѣетъ результатами своей дѣятельности, если и не съ совершенною безопасностію физическою, то всегда съ полною увѣренностію нравственною, такъ что всякое покушеніе другихъ завладѣть ими отражаетъ всѣми мѣрами, какъ вторженіе въ сферу его личности. Но нужно ли доказывать это о человѣкѣ, когда и звѣрь защищаетъ свое логовище, птица свое гнѣздо, пчела свой улей?

Такимъ образомъ, видя эту естественную необходимость собственности, какъ явленія, котораго основаніе заключается въ самомъ существѣ человека, можно почти думать, что она существовала бы даже тогда, когда была бы несовмѣстна съ общимъ благосостояніемъ. Но къ счастью все, что истинно, совмѣстно; а такъ какъ и благосостояніе общества не есть ложь, то между нимъ и началомъ собственности существуетъ предустановленная гармонія: собственность признается не для выгоды тѣхъ, которые ею владѣютъ, а для пользы всѣхъ. Первое условіе благосостоянія общаго есть то, чтобы все нужное производилось въ изобиліи: когда масса произведеній незначительна, то какъ бы она ни раздѣлялась, удовлетвореніе нуждъ можетъ быть только весьма несовершенное. Но производство зависитъ отъ труда. Что же побуждаетъ трудиться усердно? Увѣренность воспользоваться результатами своей дѣятельности, убѣжденіе каждаго въ томъ, что ему будетъ принадлежать все имъ произведенное. Эту увѣренность доставляетъ раздѣленіе всего, что производится, по нача-

ламъ свободнаго соперничества ; потому что въ такомъ случаѣ доля каждаго въ точности соотвѣтствуетъ той мѣрѣ , въ какой онъ содѣйствовалъ производству. Изъ этого слѣдуетъ , что для благосостоянія общества , которое условливается обильнымъ производствомъ , необходимо не только право собственности , но и означенный способъ раздѣленія произведеній , какъ необходимое условіе для полнаго обезпеченія этого права. Между тѣмъ соціалисты именно въ немъ-то и видятъ источникъ зла , главную причину бѣдственнаго положенія , въ которомъ находится теперь большинство. По ихъ мнѣнію , при такомъ раздѣленіи все предоставляется слѣпому случаю ; отсюда вопиющая несправедливость , возмутительное неравенство : нѣкоторые получаютъ слишкомъ много , а большая часть слишкомъ мало. Чтобы уничтожить эту , по ихъ словамъ , гибельную анархію , это господство сильныхъ надъ слабыми , они хотятъ устроить всю промышленную дѣятельность на новомъ болѣе разумномъ основаніи , а именно учредить производство въ огромныхъ размѣрахъ на началахъ товарищества и управленіе имъ ввѣрить особеннымъ лицамъ , которыя бы въ тоже время раздѣляли цѣнность всего , что производится , по правиламъ справедливости , между всѣми , которые участвуютъ въ производствѣ трудомъ и капиталомъ. Но возможно ли такое устройство , и каковъ былъ бы результатъ ?

Для того , чтобъ производство и распредѣленіе совершались по однимъ началамъ , надобно было бы подчинить то и другое общему управленію въ цѣломъ государствѣ и изъ всего народонаселенія составить одно гигантское товарищество. Спрашивается , какимъ путемъ должна осуществиться эта всеобщая ассоціація ? Добровольно ? Но какъ всѣмъ согласиться ? Силой ? Но гдѣ взять силу для принужденія всѣхъ ? Положимъ однакожь , что это несбыточное предпріятіе совершится. Кому ввѣрится тогда общее распоряженіе дѣлами промышленности ? Лицамъ , которыя будутъ избираться , говорятъ одни ; чиновникамъ , которыхъ опредѣлитъ правительственная власть , говорятъ

другіе. Въ первомъ случаѣ результатъ зависитъ отъ большинства, которое обыкновенно составляютъ не самые лучшіе; во второмъ ошибки также не только возможны, но и неизбежны. Какъ бы то ни было, и при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, эти лица будутъ не Ангелы, а простые люди съ ограниченнымъ разумомъ и съ грѣшной волей. А если такъ, то можно ли ожидать, что приговоры ихъ не будутъ уклоняться отъ законовъ правды то по незнанію, то подъ вліяніемъ страстей, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ? Можно ли надѣяться, что опредѣленное ими вознагражденіе будетъ справедливѣе, нежели цѣна услугъ, какъ она устанавливается при свободномъ соперничествѣ—съ общаго согласія. Но пусть всѣ эти распорядители, отъ перваго до послѣдняго, будутъ Соломоны по мудрости, Аристиды по честности, можно ли однакожь предполагать, чтобы они, когда и барыши и убытки раздѣляются между всѣми членами общества, дѣйствовали съ такою же дѣятельностію, вниманіемъ и расчетливостію по правиламъ строжайшей бережливости, какъ настоящіе промышленники, которыхъ ежеминутно побуждаетъ къ тому личная выгода? Въ то же время и соревнованіе между работниками, при такомъ порядкѣ, должно необходимо охладѣть: всѣ причисленные къ одному разряду могли бы тогда получать только одинаковую плату, и слѣдовательно не имѣли бы выгоды работать лучше или больше, нежели самые плохіе изъ нихъ; въ каждомъ разрядѣ дѣятельность работниковъ стремилась бы понизиться до степени, на которой стоитъ трудъ наименѣе способныхъ и наименѣе усердныхъ. Опредѣленіе платы по количеству труда могло бы тому противоdѣйствовать только весьма слабо, отчасти потому, что оно не во всѣхъ случаяхъ возможно, отчасти потому, что было бы трудно предотвратить умноженіе количества на счетъ качества, и наконецъ потому, что къ родамъ дѣятельности, къ которымъ оно не можетъ быть примѣнено, принадлежатъ должности смотрителей, повѣрителей, управляющихъ отдѣльными операціями, т. е. вообще должности, отъ которыхъ успѣхъ зависитъ преимущественно. Такимъ образомъ, при этой организаціи труда, и масса

произведений получалась бы меньшая, и распределение ея было бы не столь справедливое, какъ при устройствѣ естественномъ, которое теперь существуетъ, и которое, еслибы оно не произошло само собою, надобно было бы постараться изобрѣсти.

Но если таковъ былъ бы результатъ искусственной организаціи, при которой распределение произведений должно соразмѣряться съ трудомъ и капиталомъ; то что сказать объ ученіи коммунистовъ, по которому всѣ должны получать произвольныя, или одинаковыя доли изъ общей массы произведений? Мы не будемъ доказывать несправедливости этого начала зависти; она слишкомъ очевидна. Но посмотримъ, могла ли бы эта несправедливость загладиться хотя нѣкоторымъ улучшеніемъ судьбы рабочаго класса, которое при этомъ составляетъ главную цѣль.

Когда количество произведений, которыми каждый можетъ пользоваться, не зависитъ отъ того, сколько и какъ онъ трудится; то въ чемъ должно заключаться побужденіе къ матеріальному труду? Мысль, что всѣ будутъ работать по внутреннему влеченію, изъ сознанія необходимости, изъ благодарности къ обществу за доставленіе средствъ существованія—эта мысль для всякаго, кто нѣсколько знаетъ людей, можетъ показаться только забавной. Общество, въ которомъ удовлетвореніе даже необходимыхъ потребностей не имѣло бы другаго обезпеченія, кромѣ этихъ побужденій, было бы въ безпрестанной опасности погибнуть отъ голодной смерти. Основательнѣе и согласнѣе съ законами Психологіи разсуждаютъ тѣ коммунисты, которые требуютъ для всѣхъ внѣшняго принужденія къ работѣ и Campanella, въ своемъ сочиненіи *civitas solis*, даетъ надзирателямъ за работами даже право тѣлеснаго наказанія. Конечно это ближе къ дѣлу; но чѣмъ въ такомъ случаѣ положеніе каждаго изъ членовъ общества отличалось бы отъ положенія Негра на Американскихъ плантаціяхъ? Онъ тоже получаетъ все необходимое содержаніе и тоже только подъ условіемъ работать, сколько ему прикажутъ. Кромѣ того извѣстно, что принужденіе, еслибъ оно и могло быть примѣнено къ цѣлому народонаселенію, никогда не въ состояніи замѣнить побужденія къ дѣятельности, которое

проистекаетъ изъ увѣренности воспользоваться вполне плодами своего труда. По этому въ обществѣ, устроенномъ по началамъ коммунистовъ, всѣхъ нужныхъ вещей производилось бы меньше, нежели при настоящемъ общественномъ порядкѣ. Между тѣмъ равное раздѣленіе и того количества произведеній, которое получается теперь, не могло бы произвести чувствительной перемѣны въ положеніи низшаго класса. Во Франціи напримѣръ, даже по оцѣнкѣ безъ сомнѣнія преувеличенной, вся ежегодная масса произведеній простирается до 2,500 милліоновъ серебр. рублей, что на каждаго изъ жителей составляетъ только по 20 коп. въ день. И такъ если и въ настоящее время, когда большинство, побуждаемое личнымъ интересомъ, трудится со всѣми возможными усиліями и не рѣдко до изнуренія, производится, вообще говоря, слишкомъ мало; то что же выигралъ бы бѣдный классъ отъ равнаго раздѣленія произведеній, когда бы общая масса ихъ еще уменьшилась значительно? Развѣ только то, что и всѣ прочіе члены общества наравнѣ съ нимъ должны были бы терпѣть бѣдность! Но вѣдь и бѣднымъ лучше, гдѣ есть богатые, нежели тамъ, гдѣ всѣ бѣдны; къ тому же неравенство состояній не есть еще само по себѣ выраженіе различныхъ степеней благосостоянія въ истинномъ смыслѣ. Счастіе, кромѣ хозяйственнаго положенія, зависитъ еще отъ другихъ весьма разнообразныхъ условій, и часто распределяется несогласно съ тѣмъ, какъ дѣлятся доходы. Бѣдные имѣютъ выгоды своего рода, и имъ чуждо многое, отъ чего терпятъ богатые. Въ низшихъ сословіяхъ болѣе лишеній физическихъ, за то на сторонѣ высшихъ перевѣсъ страданій нравственныхъ. Даже трудъ составляетъ общій удѣль всѣхъ состояній; потому что, кромѣ матеріальнаго труда рабочаго класса, есть еще трудъ невещественный, а на этотъ трудъ, который столько же тягостенъ, сколько незамѣтенъ, обречены преимущественно прочія сословія, такъ что вообще раздѣленіе на трудящихся и праздныхъ совсѣмъ не совпадаетъ съ раздѣленіемъ на работниковъ и неработниковъ, бѣдныхъ и богатыхъ. Заповѣдь: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, остается въ силѣ для всякаго званія и состоянія.

Ясно, что естественное, изъ права собственности вытекающее распределение произведений соразмѣрно участію, какое каждый принималъ въ ихъ происхожденіи, не только есть необходимое условіе для того, чтобъ производилось какъ можно больше, но и само по себѣ ни сколько не препятствуетъ благосостоянію распределяться равномерно. Конечно въ такомъ случаѣ, по причинѣ неизбежнаго неравенства того, что достается на долю каждаго, благосостояніе должно выражаться въ формахъ весьма разнообразныхъ. Но безразличная одинаковость и невозможна по общему закону міра. Гармонія происходитъ изъ различныхъ тоновъ; солнечный свѣтъ состоитъ изъ разноцвѣтныхъ лучей; такимъ же образомъ и благосостояніе общества можетъ состояться изъ различныхъ степеней изобилія и довольства. Стремиться къ этой цѣли путемъ, который указываетъ наука, не противно ни законамъ разума, ни исторіи. И почему бы не думать, что она можетъ быть и достигнута, когда бы на дѣлѣ не оставалась всегда новой эта заповѣдь новая, которую далъ Спаситель міра: да любите другъ друга. Напротивъ порожденія празднаго воображенія системы социалистовъ, никогда не могутъ осуществиться, а если когда нибудь и осуществились бы, то неминуемо произвели бы въ человѣчествѣ движеніе вспять и рано или поздно возвратили бы его въ первобытное состояніе дикости. Замѣчательно, что первый проповѣдникъ социальнаго равенства—Руссо не только ясно видѣлъ это необходимое слѣдствіе своего начала, но требовалъ его, какъ непремѣннаго условія человѣческаго счастья. Вообще этого писателя можно почитать и главнымъ виновникомъ ученій социалистовъ. По его слѣдамъ, они думаютъ, что общество есть произведеніе чело-вѣка и что слѣдовательно его можно измѣнять, передѣлывать, поправлять по своему усмотрѣнію. Но нѣтъ заблужденія, которое бы больше удалялось отъ истины и могло больше причинить зла! Человѣческое общество произошло и существуетъ по естественнымъ, необходимымъ и непреложнымъ законамъ. Это организмъ своего рода, который живетъ и развивается собственною ему врожденною силою. Вникая глуб-

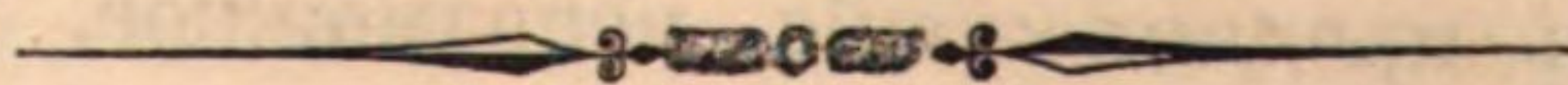
же въ тайны его дивнаго устройства, мы открываемъ тотъ же изумительный порядокъ и ту же совершенную гармонію, какую изслѣдователи природы находятъ во всемъ, что вышло изъ рукъ Творца. Это-то устройство соціалисты хотятъ замѣнить самодѣльной организаціей, и своимъ маленькимъ разумомъ поправить то, что создано безконечною Мудростію, установившею законы цѣлаго міра. Но сознаютъ ли они, къ чему ведетъ ихъ безумная гордость? Врачъ, который для излѣченія больного вздумалъ бы перемѣнить его организмъ, увидѣлъ бы предъ собою мертвый трупъ. Тотъ же результатъ получилъ бы и законодатель, который рѣшился бы, для уменьшенія бѣдствій, уничтожить главныя условія человѣческаго общества — самостоятельную личность, семейство, собственность.

Въ защиту соціалистовъ, нерѣдко даже тѣ, которые не раздѣляютъ ихъ мнѣній, указываютъ на ихъ благородную, возвышенную цѣль и ту услугу, которую будто они оказали, раскрывъ недостатки современныхъ обществъ. Безъ сомнѣнія счастье человѣчества есть цѣль самая высокая; но гдѣ же тотъ извергъ, который его не желаетъ? Къ чести человѣческой природы такое желаніе, когда оно остается однимъ желаніемъ, не можетъ быть никому поставлено въ заслугу. Правда, соціалисты сверхъ того строятъ для бѣдныхъ великолѣпные дворцы, раскидываютъ роскошные сады, покрываютъ столы вкусными блюдами. Но эта щедрость имъ стоитъ недорого: она только на бумагѣ, за которую они заставляютъ еще себѣ платить. Точно также мы не видимъ и той пользы, которую будто они принесли своей критикой. Въ чемъ заключается эта критика? Въ общихъ мѣстахъ и въ декламаціяхъ, имѣющихъ предметомъ неравенство состояній, страданія бѣдныхъ, жестокость и эгоизмъ богатыхъ. При томъ все это представляется въ преувеличенномъ и нерѣдко превратномъ видѣ. Но искаженіе истины и въ этомъ случаѣ не можетъ быть полезно: оно однихъ вводитъ въ заблужденія, которые могутъ быть вредны, въ другихъ поселяетъ недовѣріе, которое заставляетъ сомнѣвать-

ся и въ томъ, что истинно. Поэтому и отрицательная заслуга социалистовъ больше, чѣмъ сомнительна. Зло, какое существуетъ дѣйствительно, было и безъ нихъ извѣстно. Они же возстаютъ противъ всего существующаго порядка и стараются разрушить вѣрованія въ основныя начала общественнаго благосостоянія; соблазняютъ простодушное большинство несбыточными надеждами, возбуждаютъ желанія, которыя никогда немогутъ быть удовлетворены, обѣщаютъ освобожденіе отъ всякихъ лишеній и бѣдствій, совершенное блаженство на землѣ; такимъ образомъ сѣютъ сѣмена недовольства и безпорядковъ, страстямъ и мыслямъ даютъ направленіе, вредное для нравственности и счастья. А что сказать объ этой новой религіи, которая хочетъ возстановить плоть въ ея правахъ и похотями плоти замѣнить законъ нравственный, о религіи, которая не знаетъ различія между добромъ и зломъ, ни между небомъ и землей? Не значить ли это распространять начало равенства до того, чтобы человѣкъ ничѣмъ уже болѣе не возвышался и надъ прочими членами животнаго царства? Мы видѣли, каковы системы социалистовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они сами ихъ представляютъ. Но въ какомъ видѣ онѣ должны доходить до тѣхъ, чью судьбу имѣютъ въ виду преимущественно? Спускаясь въ низшіе слои общественной атмосферы, и теряя послѣднія стихіи ихъ внутренняго достоинства, онѣ необходимо должны превратиться тамъ въ звѣрское отрицаніе всего, что до сихъ поръ почиталось священнымъ и истиннымъ; а въ такомъ случаѣ нашествіе варваровъ изъ нѣдръ образованнѣйшихъ Государствъ не есть предположеніе невозможное. Вотъ единственная услуга, какую социалисты могутъ оказать человѣчеству! Мы ничего не говоримъ объ ихъ намѣреніяхъ, не отрицаемъ ни ихъ талантовъ, ни ихъ плодovitой фантазіи; а утверждаемъ только, что ихъ ученія сколько ложны, столько же губельны и опасны. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ.

Для васъ, молодые люди, системы новѣйшихъ преобразователей представляютъ опасность особеннаго рода, на которую я почитаю долгомъ обратить ваше вниманіе. Въ лѣта юности онѣ могутъ легко соблазнить сердце, жаждущее сильныхъ ощущеній, плѣ-

нить пылкое воображеніе роскошными мечтами, увлечь неопытный умъ мнѣніями, которыя поражаютъ своею оригинальностію. Въ послѣдствіи, время и опытность обнаружатъ все, что въ нихъ есть суетнаго и ложнаго. Но тогда большею частію уже поздно предаваться вновь ученію: вкусъ потерянь, другія занятія и обязанности поглощаютъ все время и силы. Что же остается? Горькія сомнѣнія въ душѣ, неясныя понятія въ головѣ обманутыя чувства въ сердцѣ, неопредѣленность въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. И такъ бдите, да не внидите въ напасть; учитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. Наука, можетъ быть, и не плѣняетъ вначалѣ, представляется сухой и холодной; но обнимите ее вполнѣ и она сдѣлается источникомъ самыхъ вѣчныхъ наслажденій, доставитъ твердыя убѣжденія, откроетъ для благородныхъ стремленій полезныя цѣли и укажетъ средства для ихъ достиженія. Она же научитъ васъ, какъ служить вѣрой и правдой Отечеству и его Отцу-Царю, которому Провидѣніе судило не только быть виновникомъ благосостоянія столь любезной всѣмъ намъ Россіи, но, можетъ быть, и для цѣлаго человѣчества спасти, въ бурю разрушенія, вѣчныя основанія общаго благосостоянія и гражданственности, которыя такъ откровенно спляскаютъ поколебать современные лжепророки и обольщенная ими толпа.

De

FINIBUS CERTORUM ET PROBABILIVM
IN RESPONSIS MEDICORUM FORENSIVM.

ORATIO,

QUAM

IN AEDIBUS CAESAREAE UNIVERSITATIS MOSQUENSIS

HABUIT

Med. Publ. Prof. Ord. Armfeld, D. M.

Sept. XXV die MDCCCXLVIII.

IN REPERTORIIS
TIBUS CRISTORUM ET PROBATIONUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

IN REPERTORIIS REPERTORIUM REPERTORIUM

Quam sententiam animo quondam imbiberam, auditores omnium ordinum honoratissimi, vix esse quidquam aut certi aut probabilis in forensi medicinae usu, quod jureconsultis jam dudum perpensum non sit ac veluti aurificis statera examinatum, eam a vero aliquantulum discedere novissima me docuit experientia. Namque haud ita diu, cum graviores quaedam e foro criminali causae cogitationes nostras occuparent variaque ac discrepantia provocarent judicia, perspicue intellexi esse vel hoc tempore nonnullos, eosque non ex vulgari nota jurisperitos, qui mirari videantur medicorum responsa interdum dubitationis atque ambiguitatis non parum, multoque plus (sic enim opinantur) quam pro praesenti medicinae statu, habere. Cui ego — nescio, tacitae dicam an apertae — vituperationi sic occurrendum putavi, ut et artis nostrae limites aliquanto accuratius innotescerent, et si quae ipsius medicinae culpa esset, ea in medicos praepropere ne transferretur, — nihil amplius desiderans, quam ut, quae passim ac per colloquia, prout se obtulerat occasio, enuntiaveram, una oratione complecti publiceque proferre liceret.

Haec autem mea oratiuncula ita velim respondeat proposito, ut dicendi opportunitas non solum favet illi desiderio, verum et intima animi mei vota explet omnia! Ecquid enim mihi aut dulcius aut exoptatius contingere potuit, quam festo hoc ac solempni die coram vobis, auditores spectatissimi, illo, quod ab alma nostra academia ad me delatum est, officio perfungi? Exacto novo anno academico exactaque laborum nova et longa serie, in hac eadem splendidissima aula, quae quindecim abhinc mensibus frequentia vestra ornabatur ac celebrabatur, more nostro convenimus, operae nostrae progressionem

finemque rapido oculorum conspectu perlustraturi rationemque reddituri curae ac sollicitudinis in dilectissimis alumnis collocatae et, quod rei caput est, gratum plenumque ac redundantem pietate animum sublaturi ad prosperitatis, felicitatis, salutis nostrae auctores et parentes. Ideoque, auditores humanissimi, si quis vobis est aut nostrum aut literarum aut ornatissimae hujus juventutis amor—quem scio esse vel maximum—rogo vos et obsecro, vestras preces piasque cogitationes nostris jungatis unaque nobiscum Deum O. M. imploretis, ut quo divino favore haec nostra studia dignatus est, eundem et a futuris ne detrahat; omnium vero maxime—si quid valent humiles mortalium preces apud immortale Numen—ut omnium bonorum nostrorum principium ac veluti fontem, SACRAM CAESAREAM MAJESTATEM multos in annos servet et foveat cunctisque infinitae clementiae suae muneribus cumulet. Protegat benignissimus rerum Dominus omniumque rerum secundarum opibus et ornamentis afficiat AUGUSTISSIMUM IMPERATOREM, qui nosmet ipsos bonis affecit, auxit, ornavit innumerabilibus! Protegat AUGUSTISSIMAM EJUS CONJUGEM, non splendoris tantum gloriaeque altissimi solii, verum et caritatis erga cives sociam, cujus vel ego hisce meis oculis tot tantaque beneficia in orbos, viduas, pauperes collata quotidie admiror, ut eorum complexum mente concipere non possim, nedum verbis comprehendere atque exprimere! Protegat, augeat, adornet AUGUSTISSIMAM DOMUM IMPERATORIAM, fidelissimi populi amores ac delicias! Sit et iis propitius, quibus academiae nostrae cura mandata est, CAESAREAE erga nos munificentiae vicariis et administris! Faveat et vobis, illustrissimi literarum fautores et cultores, quos, qua humanitate estis, nostri honoris causa huc venisse grato animo video; quos et alloquendi factam mihi hoc die esse copiam maxime laetor, sperans fore, ut mihi, rem attentione vestra haud indignam brevissimis verbis pertractaturo, benevolas praebeatis aures. Dixi sermonis argumentum; rem autem exponere conabor ita, ut quae certa, quae probabilia, quae ne probabilia quidem in medicina forensi habeantur, quantusque dubitationi, pro artis nostrae angustiis, supersit locus, vel iis liqueat, qui medicorum scholis non sunt adscripti. Dein, dubitationem istam haud raro ipsorum judicum leviori quadam culpa aut provocari aut perperam adaugeri, studio et ira vacuus, demonstrabo. Non ta-

cebo et medicorum graviores quosdam errores. Postremo, quanti aestimandae sint medicorum renuntiationes ipsa rei natura dubiae, paucis monebo.

Nova quidem atque inaudita haudquaquam est medicis forensibus ista a jurisperitis proficiscens insectatio; quam si quis ignorare se dicat, eum necesse est et Bodini et Leyseri nomina ignorare, ut taceam alia obscuriora. Attamen illi, et qui eorum rationem secuti sunt, non medicos potius quam medicinam insectati esse videntur, siquidem ea tenebantur opinione, ut nihil prorsus certi aut magnopere probabilis in medicina inesse putarent, nisi quod jam omnibus et extra medicorum scholas notum esset ac pervulgatum; eamque ob rem et causis judicialibus, si qua obscuritate laborarent, nullam a medicina lucem afferri, imo novas offundi tenebras. Horum si quae nobis quaerenda esset confutatio, diu sane non quaereretur. Id enim ex artis nostrae historia perfacile colligitur, medicinam forensem, licet rudem et incultam Bodini aetate, paulo cultiorem, cum floreret Leyserus, non modo eo tempore, verum et multo ante, et certa et probabilissima habuisse quamplurima, eaque non a triviis ac circulis hausta, sed diligentissima investigatione cognita ac percepta; ideoque et in jurisprudentiae usum a C. C. Carolina non temere et inconsiderate esse advocatam. At in hisce rudimentis ne commoremur, convertamus oculos ad eas doctrinas, a quibus medicina materiam principiaque mutuatur: quanta fuerunt earum praeteritis, non dicam seculis, sed vel decenniis ac lustris augmenta! Qua sollertia anatomia, chirurgia, corporis mentisque pathologia excoltae sunt ac perpolitae! Quanta rerum copia accessit ad physicam, chemiam, toxicologiam! An vero haec fieri potuerunt, quin et legalis illa medicina, quae nihil aliud est, quam eadem anatomia, pathologia, toxicologia in forum traducta, quamplurimum locupletaretur ac ditaretur? Quodsi quis ita pluris faciat Themidis quam Aesculapii auctoritatem, ut ad haec, quae ars nostra de semet ipsa praedicat, prorsus nolit attendere, iste velim inspiciat novissimos legum, imprimis criminalium, codices pervolvatque judicum acta et commentarios, quorum nulla fere est pagella, ex qua non eluceat, quid sibi velit medicina in foro. Indagat, explicat, confirmat, quae ex statu causae ne conjectura quidem

colligi potuerunt; de quibus nulla praesentis cujusquam adest testificatio, ea e corporibus vita sensuque privatis percontando et interrogando elicit; perscrutatur non corporis tantum, verum et mentis intima latibula, occultum dolum detegit, latentia in tenebris scelera severitati judicii meritoque supplicio dedit nec sinit divinas humanasque leges malitiosa astutia callidave audacia impune violari. An vero hisce circumscribitur finibus minusque valet ad probandam integritatem atque innocentiam, quam dolum et fraudem? Mibi credite, ne nota quidem cuiquam essent toties repetita ac pervulgata illa nomina, Calas, Sirven, Montbailly, errorum judicialium tristissima monumenta, si lumen suum medicina judicibus in tempore praeberet. Quoties concessum illi fuit, ut exsolveret innocentes, qui nullo suo delicto in criminis suspicionem venirent; ut hominis mortem, quam sica aut veneno effectam diceret, ad naturalem causam reduceret vel gravia facinora, quae mali et pravi animi viderentur, ad animum aegrotantem legumque recti et justi oblitum non vana aliqua hypothesi, sed firmo stabilique judicio referret! Quid, quod majorem habet auctoritatem et fidem corpus delicti oculorumque testimonium, quam — quae omnium probationum vulgo habetur plenissima — ipsius rei confessio, non dementis quidem aut melancholici (hi enim saepenumero criminum se insimulant, de quibus ne per somnium quidem cogitaverant), sed animi compotis omniumque sensuum vigore pollentis! Exemplo sit misera illa puella, quae, caelibatus impatiens, clandestinos sibi amores paraverat et ex his nothum partum enixa in gravem ceciderat infanticidii suspicionem. Haec in judicium adducta, poenitens ac conscientiae angore pressa, se in occulto peperisse infantique manum violentam intulisse sua sponte confitetur. Mittitur corpusculum medico, qui judicem de mortis genere faciat certiores. At ille, perlecto primo commentario judiciali, dein cadavere aperto, vehementer miratur corpus delicti narrationi nequaquam respondere: docuit enim inspectio haud ambiguis signis fetum non solum non respirasse, verum et multo ante partus ipsius tempus mortuum fuisse. Ideoque quae reperit, ad judicem rescribit. Quamvis enim fastigium ridiculi attigisse videatur, qui post voluntariam confessionem de scelere patrato dubitet, tamen homo probus et religiosus risum movere maluit,

quam a veritate et officio deflectere. Incidit vero in judicem non minus integrum ac sagacem. Hic itaque in speciem facti denuo inquirere, percontari ream, urgere denique, ut, quae crimen suum confessa sit, et ipsum violentiae modum aliquanto accuratius describat. Respondet miserrima se, instante partus termino, imminensis ignominiae et dedecoris metu vehementissime conturbatam animo ac perterritam desperatum illud consilium cepisse; dein verentem se, ne infantis adspectu aut ejulatu ad misericordiam commoveretur et a proposito desisteret, simul ac sensisset absolutum esse partum, linteis et vestimentis, quaeque alia ad manum erant, fetum cumulasse ita, ut spiritum ducere non posset, nec prius liberasse, quam e membrorum rigore atque imminuto calore insecutam esse mortem intellexisset. Scilicet ignorabat et ipsa mortuum se edidisse partum inque cadaver saeviisse, ideoque ne attentati quidem, nedum consummati infanticidii ream esse.

Hoc in genere disputandi si pergere vellem, certe non pertimescerem, ne deforet materia; essetque mihi argumentorum copia, non inopia laborandum. Sed continebo me neque committam, ut aliud quid demonstrare videar, quam quod me demonstraturum eram pollicitus. Namque non quae rata, sed quae dubia ac veluti vacillantia in medicina deprehendantur, id potissimum ex rei natura et indole explanandum suscepi.

Est vero medicorum doctrina e numero earum, quae naturae phaenomena, suo quaeque modo, tum observando concipere, tum ratiocinando explicare student. Hae autem uti duplici in negotio versantur, ita duplici et vitio laborare solent, deficiente aut observationis aut explicationis subtilitate. Imperfecta est observatio vel propter sensuum nostrorum infirmitatem, vel quod phaenomena ad cognoscendas naturae vires legesque perducentia carptim nobis occurrunt, non universa. Sed, ut sit plena et perfecta observatio, gravis superest et ardua opera singula illa phaenomena, quae nihil aliud sunt quam latentium causarum manifesti effectus, ad suam quodque causam proximam et remotiorem revocandi, ita ut cognita phaenomenorum origine explicetur eorum

inter se cognatio nexusque et copulatio. Namque infinitam effectuum varietatem ad simplices causas reducere, id utique est explicare. Arduam vero dicimus operam atque erroris periculo plenam, et quoniam eadem phaenomena, vel saltem simillima et genuina, non semper ab eadem causa ortum ducunt, sed a variis, nec semper ab una, sed et a pluribus junctim agentibus; et quoniam causa phaenomeni non unum semperque eundem effectum praestat, sed pro diversa conjunctione atque implicatione diversissimos; unde fit, ut deficiente certa rei notione hypothesibus plus minusve probabilibus undique late pateant fores. Haec cum omnino dixerim de illis doctrinis, quae in addiscenda rerum natura versantur, praeprimis velim de medicina dicta putetis, cujus et observandi et explicandi negotio nihil est difficilius. Nonne quotidiana fere experientia edocemur duos, ne dicam plures, medicos pari ingenio praeditos parique scientia munitos, cum ad eundem lectum accesserint, in eadem incurrerint symptomata, visu, auditu, tactu plane eadem perceperint, de morbi natura, causa, therapia longe non idem sentire? Jam mihi videor audire quosdam sic mihi obloquentes: „ecquis haec ignorat? ecquis nescit labare medicos diagnosi nec prius plenam ac dilucidam morbi notitiam, quam post mortem hominis obtinere?“ Ego vero ingenue dicam, ne post mortem quidem semper et ubique. Etenim quae inciso cadavere in conspectum praebeunt symptomatum in homine vivo observatorum causae, immutata viscerum structura, emollitio, induratio, hypertrophia, gangraena et quae reliquae sunt materiae organicae metamorphoses, ipsae quoque diversarum causarum sunt effectus, tum recentes, tum diuturni ac persaepe ita inter se confusi et permixti, ut eorum ne ordo quidem ac consequentia concipi queat, nedum intima pathogenia enucleari. Mirandum itaque non est, si eosdem medicos, qui de vivo homine diverse judicaverant, post cadaveris quoque inspectionem in diversas discedere videmus conjecturas. Hisce perspectis attendite, quaeso, auditores humanissimi, ad medicum forensem et, quae ipsius sit ratio et conditio, paulisper considerate. Quae singula medico clinico, sive vivum, sive mortuum examinanti dubitationem scrupulumque movere consueverunt, ea medico forensi sese objiciunt universa, imo novis implicantur difficultatibus. Faciamus inspici aegrotum. Fallacia esse morborum

signa diximus; adde quod nonnunquam et prorsus desunt ea, quae ad eruendam morbi naturam quamplurimum faciant. At qui medicinam facit, mirum in modum adjuvatur ipsius aegri communicatione: quae enim nec propriis sensibus percipere potest nec conjectura consequi ulla, ea ex hominis narratione de doloris sede, de pristinis morbis, de anamnestico novissimae aegritudinis statu colligit, hisce suppleturus diagnosis fundamenta. Quae autem ex aegroto exquirere nequit, ut puta ex infante, aut delirante aut maniaco, comperit ex adstantibus vel cognatis, vel quorum curae custodiaeque aeger mandatus est. An vero idem et forensi medico contingit, qui tantum abest ut pari fruatur commodo, ut et homini, quem inspicit, et adstantibus fidem fere omnem denegare cogatur: isti, quod plerumque in suspitione est vel simulatae vel dissimulatae aegritudinis; his, quod modo falsum morbum imputare, modo verum celare conantur? Ideoque fraude ac mendaciis undique cincto nihil superest, quam priorum sensuum testimonio fidere et, quae in oculos cadant manifesta symptomata, iis totam superstruere diagnosin. Ubi vero ad insecandum cadaver accedit, denuo graviori premitur difficultate. Etenim medico clinico quid investigandum est praeter internam proximamque morbi et mortis causam? Itaque omne punctum tulisse dicitur, si hominem sanguine cordis cava pulmonesque obruente suffocatum esse, aut, distentis ruptisque vasis capitis sanguiferis, apoplexia cerebrale extinctum, aut inflammatione, gangraena, haemorrhagia interemtum demonstraverit. At haec vix unquam sufficiunt medico forensi, ex quo id etiam quaeritur, quatenam sit mortis causa externa et remotior; unde ista suffocatio aut apoplexia aut inflammatio orta sit quantumque ad parandam homini mortem fecerint illata ipsi vulnera, contusiones et quae aliae laesiones in rixa et contentione utrinque inferri solent; aliena an propria culpa homo perierit, voluntate an fortuito aliquo et improvise casu. Quae cum per se jam sint difficillima dijudicatu, multo sane difficiliora redduntur ipsa medici religione, id nimirum considerantis, errorem suum, si quem commiserit, non, uti medici clinici illum, a schola tantum et doctoribus castigatum iri, sed et rei culpam vel immerito aggravaturum esse vel attenuaturum.

Jam, quoniam, quae certa et rata in arte medica sunt, tam angustis limitibus continentur, non potest et forensis medicus, quin ad conjecturas saepissime confugiat et ad quaestiones judiciales explicatione respondeat hypothetica. Quod nos fieri non solum consensu, sed et applausu nostro probamus, eo tamen pacto, ut dubia cum probabilibus ne commisceantur, neve certis subiciantur ea, quae tantum probabilia sunt. Nam ut sit rei explicatio veri simillima, certa tamen dici nequit, quousque et alium explicandi modum adesse admittimus, licet minus plausibilem, tamen naturae rerum non repugnantem. Etenim certum dicimus, quod ita verum est, ut ejus contrarium ne cogitari quidem possit. Hominem, cui cor duplici ictu transfictum fuerit, non propria manu mortem sibi dedisse certum est, siquidem nemo, nisi omnium physiologiae legum ignarus, unquam opinabitur posse illi, cui cor vulneratum sit, tantum superesse virium, ut extracto e plaga cultro vel pugione novam sibi plagam infligat. At si quem in lecto jacentem laqueo strangulatum inveneris, aut hebetem obtusoque ferramento rudi ac saevo modo interfectum, aut ligatis manibus pedibusque in aqua submersum, illius non spontaneam fuisse mortem probabilissimum quidem erit, sed non certum: exstant enim in nostris commentariis et voluntariae hujuscemodi mortis exempla, imprimis a maleficis, a fanaticis, a maniacis sibi conscissae. — Certum est veneficium, ubi et acre venenum et ejus effectus, inflammati, gangraenosi, exulcerati ventriculi intestinorumque parietes in cadavere deprehenduntur; probabile tantum, ubi et signa minus gravia sunt, et venenum detegi non potest: id quod saepissime fit in venenis vegetabilibus.—Probabile est infantem a natu recentem e vasorum umbilicalium haemorrhagia obiisse, si anaemiae, ejusque non congenitae, tum in cute, tum in visceribus vasisque sanguiferis manifesta invenimus signa, nullo praesente indicio haemorrhagiae ex alia qualicunque parte; si praecisus, non abruptus est funiculus, idque proxime ad infantis corpusculum; si respirandi facultas etiamtum defuit minorque, qui dicitur, sanguinis circuitus nondum incepit; — probabile illud mortis genus non videtur, ubi aliter res sese habent; certum vix unquam est. — Ubi abortus factus est praegresso vehementi corporis motu, ventris lumborumque conquassatione usuque medicamentorum,

quae partum abigere valeant, illum non modo post haec, sed et propter haec insecutum esse probabilissimum videtur; certo tamen affirmari nequit, siquidem omnia ista ad elidendum partum millies incassum tentata fuere, dum alias fetus, etsi summa afficiatur sollicitudine, nimis mature uterum relinquit. — Legitimum esse nonnunquam et septimestrem partum et decimestrem non inficiabimur, quandoquidem experientia constat posse et septem mensium fetum esse vitalem, et graviditatem ultra consuetum terminum protrahi; at comprobare legitimum vel novimestris infantis ortum artis medicae praesidia non valent. — Contusum ac mulcatum in rixa esse hominem, violatam virginem, editum a femina partum certo cognosces, si recentissima rei vestigia persequaris; vix probabilis conjectura concipies post aliquod temporis spatium. — Si vero puerpera partum suum cum alio commutaverit, mortuo vivum supposuerit aut puerum puellae, nihil prorsus est in medicina, quo fraus demonstrari possit, dummodo subditicii infantis aetas termino partus exacte respondeat. — Itidem, si homo submersus ab omni laesione vacuus ex aqua excipiatur, non explanabimus iudici, utrum ipse mortem oppetierit, an fortuito inciderit in aquam, an aliena manu detrusus fuerit: etenim, si nullum est rei indicium in judicialibus quaesitoris actis, omni sane praesidio caremus, quo, simili in casu, voluntaria mors tum a violenta, tum a fortuita distinguatur.

Ex his, quae modo proposui, jam manifesto prodit, quae certa non sunt, ea aequae probabilia non esse. Sunt, quae tantam veri speciem prae se ferant, ut parum absit quin certa habeantur. Sunt etiam, quae, quod non plane contraria videantur naturae legibus, admittatis quidem in probabilium numerum, sed ita, ut vel admittentes renuere videamini. Sunt denique, quae disquisitionem nostram omnino effugiant, quippe quae ab ipsa probabilitate abhorreant. Atque eo — ut plane exprimam meam sententiam — redire mihi videtur summa artis medico-forensis, ut, quanta sit ambiguae rei probabilitas, in singulo quoque casu exacte determinetur. Nam quae manifesta sunt ac dilucida, ea et tironi dubia non erunt; quae autem incerta adeo, ut ne probabilitatis quidem habeant quidquam, de iis et doctorum et indoctorum idem erit, et quidem nullum, iudicium.

Sed quomodocunque haec sese habeant, id saltem jam liquet, auditores honoratissimi, nihil esse a medico forensi exposcendum, quod non contineatur intra medicinae fines terminosque; medicinam autem, etsi possit multa, omnia tamen non posse. Id quod probe mihi intellexisse videntur codicum judicialium auctores, qui et leges ad sui temporis medicinam accomodare et probabilibus medicorum conjecturis uti non sunt dedignati. Intellexerunt sane Borussiae legislatores ambiguam ac perdifficilem nonnunquam esse veneficii probationem; quapropter statuerunt consummatum haberi crimen, ubi venenum datum esse certo constet, mortem vero exinde insecutam esse probabile videatur. Intellexerunt iidem vix unquam posse solvi quaestionem de dubia, quam dicunt jurisperiti, prioritate mortis; idcirco instituerunt, ut, ubicunque duo vel plures homines simul perierint ita, ut incertum esset, quis eorum superstes fuisset reliquis, omnes uno temporis puncto obiisse judicaretur: qua lege et inutilem disquisitionem medicam et lites de capienda ab intestato hereditate praecaverunt non paucas. Intellexerunt e nostris libris feminam ultra terminum uterum gerere posse, probationem vero legitimae graviditatis vix unquam juris dubitatione vacare; ideoque lege sancire placuit, ut qui intra 302 dies post patris obitum editus fuisset, legitimus haberetur partus. (Mirum quidem videtur illum terminum, ubi innupta femina facta sit gravida, usque ad 285-um diem tantum prorogari, haud secus ac si aliae sint illicitae quam legitimae graviditatis leges physiologicae. Sed video hoc ita institutum esse in matrimonii legitimique partus favorem).

Itaque, quod a legum auctoribus factum est, idem velim faciant et ii, qui harum legum cultores sunt atque interpretes: ut, medicinae finibus angustiisque aliquanto melius cognitis, et aequiores sese praebeant medicis forensibus, et—qua re praecipue mitigarentur querimoniae illae de nimia medicorum dubitatione — quaestiones suas ad praesentem artis salutaris statum accommodent. Nam, quemadmodum tanta interdum est medicorum et judicum dissensio ac discrepantia, ut ne de definienda quidem vocum rerumque significatione inter eos conveniat, sic et judiciales illae quaestiones non raro ita sunt comparatae, ut pro rei natura neque affirmari quidquam possit, neque negari.

Erit ergo medici responsio ambigua. „At, inquires, ejusmodi quaestionum vitiis mederi perfacile est; quid autem, si et mutata vel emendata quaestione dubitanter respondeat medicus simplicemque et accuratam rei explicationem denegat?“ Est igitur ipsa res, non medici responsio dubia. Etenim qui rem dubiam esse dicit, asseveranter ille, non dubitanter respondet. Qui autem demonstrat posse rem duplici vel triplici modo explicari, an eum serio dices rem nullo modo explicasse?

Quod restat, post hanc, non iudicum censuram, sed medicorum defensionem, aperte et ingenue fatear horum etiam reprehendendos esse quosdam errores. Nihil dicam de iis, qui officii sui limites transgrediendi iudicumque negotiis se immiscendi nescio quo puerili desiderio tenentur: jam isti, altiora petentes uti testudo in fabula, ipsorum jureconsultorum aut risu aut nota plus satis castigantur. Quod autem magis ad meum attinet propositum, peccant interdum medici aut dubitando, ubi dubitandum non est, aut temere affirmando vel negando in re minus certa. Hi igitur, quomodocunque peccaverint, digni sunt reprehensione. Qui dubitare aut nesciunt aut nolunt, vel immodici sui aestimatores sunt, qui totam se medicinam ad unguem tenere somniant, quosque omnia scire dices praeter Boerhaavianum illud *nescio*; vel eam appetunt gloriolam, ut saltem iudicibus omnia scire videantur: qua mehercle nihil est minutius. Qui autem vel in re certiori haesitant dubiaque malunt quam certa respondere, eorum plerumque longe alius, nec tam ridiculus nec tam odiosus error est; quem tamen, etiamsi vellem, excusare nullo modo possem. Illi enim saepenumero, humanitate ac misericordia permoti nec de indaganda potius quam de mitiganda facinoris specie solliciti, id praeprimis curandum sibi putant, ut homini in iudicium adducto aliqua ad iudices excusatio paretur vel latebra: ideoque et necessariam mortem ab evidenti laesione ad fortuitam aliquam causam transferre conantur, et in dubium vocant non dubiam mentis valetudinem, nihil non tentant ad nullumque non confugiunt artificium, quo et sibimet ipsis et iudicibus persuadeant aut nullam esse rei culpam aut levio-rem. At hi caveant ne plus sibi sumere et arrogare dicantur, quam a mune-

ris natura, a civitate, ab ipsa divina Providentia et impositum est et concessum: namque damnare et absolvere non est medici, cujus eo sane redit officium, ut jurisperitum, eumque totius causae et quaesitorem et judicem, certiore faciat de iis, quae cognosci non possunt nisi medicorum arte atque iudicio. Quid? medici igitur non est malitiae scelerisque suspicionem vel criminationem dissolvere poenaeque aut remissionem aut commutationem comparare, ubi homo humana infirmitate, levitate, incuria vel negligentia peccaverit? Imo, non tantum medici est, sed omnino probi cujusque et integri: indicando, quae re vera e corpore delicti in hominis favorem repeti possunt; at non celando, non fingendo, non perverse interpretando ac detorquendo; quod ne eos quidem decet, qui reo defensores constituti sunt ac patroni.—Jam ad vos me converto, dilectissimi academiae nostrae alumni, medicinae publicae cultores futuri ac ministri! Non est, quod humanitatem illam et misericordiam, quod christianum illum hominum amorem et caritatem vobis commendem: quibus animos vestros penitus esse imbutos si unquam ignorassem, certe post ea, quae novissimae istius epidemiae tempore gesta a vobis fuere, ignorare non possem amplius; id vero magnopere commendo et suadeo, ut, vel opem auxiliumque laturi miseris graviore aliqua suspitione aut accusatione pressis, veritatem, iustitiam legumque dignitatem ne offendatis. Equidem mirari soleo, quantum fidei et auctoritatis medicorum testimonia habeant apud legum conditores, qui, cum alium quemque testem vel arbitrum iurejurando adstringi jubeant, iurejurandi loco habent solam medici forensis asseverationem optima se fide respondisse aut responsurum esse; qua singulari ac fere incredibili fiducia si vos etiam haud indignos probare velitis, religiosissimos vos probetis veritatis cultores, et in describendo corpore delicti et in dijudicando (quod duplex est medici publici officium) integerrimos. Quodsi in ipsa rei descriptione peccatum quidpiam fuerit, non facile invenietis ullam erroris excusationem: etenim non videre, quae visui sese offerunt, aut ignorantiae est aut levitatis; ea autem videre, quae prorsus non exstant, aut hallucinantis animi, aut dolosi et fraudulentum. Ubi autem sententia vestra vel dijudicatio exquiratur, haec, faciatis, non praedjudicata aliqua opinione, sed integra et diligentissima rei inspectione ac scrupulo.

tatione nitatur; idcirco et vagis illis, quae unamquamque fere causam criminalem comitari solent, auditionibus et commentis aures praebere, et in verba magistri jurare vel scholae cujusquam dogmata ac praecepta oculorum testimonio anteponere nefas vobis indecorumque ducatis. Dein, quae certa ac rata cognoveritis, certa ea ac rata esse forti atque alacri animo asseverate, omisis omnibus auctoritatibus nullaue habita aut rerum aut temporum ratione. Probabilia vero pro certis venditare, aut quae vel probabilitate carent, arbitrariis ea ac commenticiis hypothesibus explicare vel, ut melius dicam, implicare nolite. Neve unquam putetis majorem vos laudem et honorem temera affirmatione aut negatione, quam sana dubitatione esse consecuturos, nisi forte apud eos, qui non veritatem potius quam doctorum placita ac scholasticas subtilitates colere consueverint. Sit autem vobis veritas uti Platone et Aristotele, sic et vana illa inanique laude amicio. Grata sane et accepta erunt integerrimo cuivis judici medicorum responsa, quae rem non certam quidem, attamen magnopere probabilem esse demonstraverint: quippe quibus, etsi non contineatur plena rei probatio, permultum tamen effici soleat ad supplenda vel confirmanda argumenta aliunde desumta ac comparata. Sin quaerat quispiam, cui usui sint ea, quae rem prorsus obscuram esse omnique explicationi adversari ac reluctantare planum faciant, isti velim non meis respondeatis verbis, sed multo elegantioribus clarissimi quondam viri deque medicina forensi meritissimi, Ernesti Platneri: „Responsorum quamvis nihil neque affirmantium neque negantium haec perspicua utilitas est, ut jureconsulti rem incertam esse certo intelligant atque causae ambiguitati poenam possint vel absolutionem adaptare.“ DIXI.

ratione nitatur; idcirco et vagis illis, quae nunquamque fere causam criminalem constant solent, audientibus et commentis aures prestare, et in veris magistri jurare vel scholae cupisquam dogmata ac praecepta censorum testimonio anteponeere nescis volis indecorumque dicere. Sed, quae certa ad rem cognoveris, certa ea ac rata esse forti atque alacri animo asserere, omnisque omnibus auctoritatibus nullaque habita aut rerum aut temporum ratione. Probabilia vero pro certis vendicare, aut quae vel probabilitate careant, arbitris ea ac commenticiis hypotheticis explicare vel, ut melius dicam, implere nolle. Neque namque patetis majorem vos iactant et honorem tenentis affirmatione aut negatione, quam sana dubitatione esse consecutus, nisi forte apud eos, qui non veritatem potius quam doctorum placitum ac scholasticas subtilitates colere consueverint. Sit autem vobis veritas ut Platone et Aristotele, sic et vana illa insipue laude amictor. Certe sane et accepta erunt iudiciorum cuius iudici medicorum responsa, quae rem non certam patiant, attamen inagropere probabiliter esse demonstraverint: quippe palus, etiam non convincatur plena rei probatio, periculum tamen efficit ad supplenda vel corroboranda argumenta aliunde desumpta ac comparata. Sin quaeat quispian, cui usui sint ea, quae rem prorsus obscuram esse omnique explicationi adversari ac retractare phanum faciunt, isti velim non meis respondetis verbis, sed multo elegantioribus clarissimi quondam viri de quo medicina forensi meritisini, Ernesti Rihneri: „Responsorum paucis nihil neque affirmantium neque negantium haec perspicua utilitas est, ut inconcessibili rem incertam esse certo intelligant atque causae ambiguitati possum possint vel absolutionem adprobare“ DIXI.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА 1847—48 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Университетскій Совѣтъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава, имѣетъ честь представить краткій отчетъ о состояніи Московскаго Университета за истекшій академическій годъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, Высочайшимъ Приказомъ 20-го Ноября 1847 года и Указомъ Правительствующему Сенату сего же числа, Всемилостивѣйше соизволилъ Генераль-Адъютанта Графа Сергія Григорьевича *Строганова* уволить, согласно прошенію, отъ должности Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и отъ всѣхъ занятій по учебной части, а Указомъ отъ 25-го Ноября того же года Высочайше повелѣно назначить въ эту должность состоявшаго Помощникомъ Попечителя, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Дмитрія Павловича *Голохвастова*.

Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому вѣдомству, 18-го Мая сего 1848 года, назначенъ Помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, старшій Совѣтникъ Московскаго Губернскаго Правленія Коллежскій Совѣтникъ Князь Григорій Алексѣевичъ *Щербатовъ*.

Его Сіятельство Г. бывшій Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, при увольненіи его отъ означенной должности, по избранію Университетскаго Совѣта, утвержденъ въ званіи Почетнаго Члена Московскаго Университета.

Въ началѣ учебнаго года произведено было испытаніе желающихъ поступить въ Студенты. Изъ 313 человекъ, допущенныхъ къ испытанію, 219 признаны способными слушать Профессорскія лекціи; безъ экзамена принято: учениковъ первой Московской Гимназіи 18, второй 13, третьей, Реальной 4, Московскаго Дворянскаго Института 10, другихъ Гимназій 44, изъ другихъ Университетовъ, Лицеевъ, Медико-Хирургической и Духовныхъ Академій 27; сверхъ того допущены къ посѣщенію лекцій: стороннихъ слушателей 47, Аптекарскихъ Помощниковъ 41 и Студентовъ и Магистровъ Александровскаго Финляндскаго Университета 6.

Вообще въ 1847—48 академическомъ году находилось въ Университетѣ: Профессоровъ и Преподавателей 63; учащихся: а) Студентовъ 1,192, именно: въ Философскомъ Факультетѣ — по 1-му Отдѣленію 110, по 2-му Отдѣленію 237, въ Юридическомъ Факультетѣ 433, и въ Медицинскомъ 412; б) стороннихъ слушателей 47, в) Аптекарскихъ Помощниковъ 41 и Магистровъ и Студентовъ Александровскаго Финляндскаго Университета 6, а всего 1286 человекъ. Изъ числа учащихся состояло: на казенномъ содержаніи 110, на благотворительномъ 38, на иждивеніи разныхъ заведеній 42, получали стипендіи 29. Кроме того, въ продолженіи академическаго года 61 Студенту выданы единовременныя денежныя пособія изъ суммы, собираемой за право ученія въ Университетѣ съ тѣхъ Студентовъ, которые въ состояніи платить по 40 рублей серебромъ въ годъ.

Въ минувшемъ академическомъ году въ Университетѣ преподавались всѣ учебныя предметы, входящіе въ составъ cadaго Факультета и Отдѣленія, на основаніи Высочайше утвержденнаго 26-го Іюля 1833 г. Общаго Устава Университетовъ, кромѣ Философіи, Восточныхъ языковъ, Технологіи и Архитектуры, за неимѣніемъ преподавателей.

Сверхъ того, Ординарный Профессоръ *Гейманъ* читалъ публичныя лекціи *Технической Химіи*.

Въ преподавателяхъ и чиновникахъ произошли слѣдующія перемѣны :

Опредѣлены : Директоръ 2-й Московской Гимназіи *Шнееръ* — Инспекторомъ Студентовъ ; возвратившіеся изъ-за границы Кандидаты Московскаго Университета: *Кудрявцевъ*, *Леонтьевъ* и *Мильгаузенъ* — исправляющими должность Адъюнкта ; *Лькаръ Полунинъ* — исправляющимъ должность Адъюнкта въ Терапевтическомъ Отдѣленіи Госпитальной Клиники ; Экстра - Ординарный Профессоръ *Рулье* и Адъюнктъ *Кавелинъ* — преподавателями въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ ; исправляющій должность Адъюнкта *Поповъ* и Преподаватель *Буслаевъ* — Секретарями , первый Медицинскаго , а послѣдній 1-го Отдѣленія Философскаго Факультетовъ ; исправляющій должность Ученаго Аптекаря *Лясковскій* — Членомъ Московской Медицинской Конторы ; Хранитель Музея *Ренаръ* — Директоромъ Прѣсненскаго Дѣтскаго Приюта въ Москвѣ ; Кандидатъ *Бѣляевъ* — Помощникомъ Библіотекаря при Университетской Библіотекѣ ; Лекторъ *Пако* — Учителемъ Естественной Исторіи въ специальномъ классѣ Московскаго Александровскаго Училища ; Лекторъ *Герингъ* — Учителемъ Нѣмецкой Словесности для пепиньерокъ Училища Ордена Св. Екатерины ; Ассистентъ Хирургическаго Отдѣленія Факультетской Клиники , *Лькаръ Беркутъ* — Врачемъ при Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ ; Коллежскій Ассессоръ *Кетчеръ* — Секретаремъ Правленія Университета , Факторъ Университетской Типографіи *Дмитріевъ* — Издателемъ Московскихъ Вѣдомостей ; находящіеся при письменныхъ дѣлахъ Правленія : Коллежскій Секретарь *Булыга* и Губернскій Секретарь *Жигаревъ* — помощниками , первый Бухгалтера , а послѣдній Секретаря Совѣта ; Коллежскій Секретарь *Тихонинъ* — къ письменнымъ дѣламъ Правленія.

Утверждены : Ординарный Профессоръ *Перевощиковъ* — Ректоромъ Университета ; Ординарный Профессоръ *Фишеръ - Фонъ-Вальдъ* —

геймъ — Проректоромъ Университета и Инспекторомъ надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями; Ординарные Профессоры: *Шевыревъ*, *Баршевъ* и *Филомаѳитскій* — Деканами, первый 1-го Отдѣленія Философскаго, второй Юридическаго и третій Медицинскаго Факультетовъ на четыре года; Ординарный Профессоръ *Анке* — Инспекторомъ надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями; исправляющій должность Адъюнкта *Соловьевъ* — въ степени Доктора Историческихъ Наукъ, Политической Экономіи и Статистики и въ званіи Экстра-Ординарнаго Профессора; Адъюнктъ *Спасскій* — въ степени Доктора Физики и Химіи и въ званіи Экстра-Ординарнаго Профессора; Адъюнктъ *Басовъ* — въ званіи Экстра-Ординарнаго Профессора.

Ординарный Профессоръ *Рихтеръ* и Профессоръ Богословія Протоіерей *Терновскій*, по выслугѣ ими по учебной части 23 лѣтъ, оставлены при Университетѣ еще на пять лѣтъ, съ производствомъ послѣднему пенсіи сверхъ жалованья.

Уволены: Ректоръ Университета, Заслуженный Профессоръ *Альфонскій*, Издатель Московскихъ Вѣдомостей *Коршъ*, Ассистентъ Акушерскаго Отдѣленія Факультетской Клиники, Лѣкаръ *Зедергольмъ* и Корректоръ Университетской Типографіи *Смирновъ* — отъ службы при Университетѣ; Ординарный Профессоръ *Рѣдкинъ* — отъ должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями; Адъюнкты *Топоровъ* и *Катковъ* — отъ должности Секретаря, первый Медицинскаго, а послѣдній 1-го Отдѣленія Философскаго Факультетовъ; исправляющій должность Адъюнкта *Поповъ* — отъ службы при Московской Коммиссаріатской Коммиссіи, и Лаборантъ *Шмидтъ* — отъ должности Члена Московской Медицинской Конторы.

Умерли: Почетные Члены Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ *Аделунгъ*, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Дмитрій Ивановичъ *Языковъ* и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Василій Петровичъ *Гурьевъ*; Факторъ и Смотритель за рабочими людьми Университетской Типографіи, Коллежскій Секретарь

Дирингъ, и служившій въ Конторѣ Факультетской Клиники, Коллежскій Секретарь *Смирновъ*.

За отлично-усердную службу *Всемилоостивѣйше* награждены: *Ординарный Профессоръ Чивилевъ* и *Синдикъ Университета Захаровъ* орденомъ Св. Анны 2-й степени; *Ординарный Профессоръ Перевощиковъ* — бриліантовымъ перстнемъ за устройство громо-отводовъ на новомъ Кремлевскомъ Дворцѣ; *Лаборантъ Шмидтъ* — бриліантовымъ перстнемъ и объявленіемъ признательности Начальства; *Ординарный Профессоръ Глѣбовъ* — объявленіемъ Высочайшаго благоволенія; *Помощникъ Инспектора Студентовъ Фурсманъ*, *Архитекторъ Никитинъ* и *Экономъ Воробьевъ* — подарками.

Всемилоостивѣйше пожалованы: Въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники — *Ординарный Профессоръ Польш*; въ Статскіе Совѣтники — *Ординарный Профессоръ Иноземцевъ*; въ Коллежскіе Совѣтники: исправляющій должность *Ординарнаго Профессора Гофманъ*, *Лекторъ Гарве* и *Совѣтникъ Правленія Назимовъ*; въ Надворные Совѣтники — *Адъюнктъ Кавелинъ*; въ Коллежскіе Ассессоры — *Секретарь Совѣта Спекторскій* и *Помощники Инспектора Студентовъ Фурсманъ* и *Романовскій*; въ Коллежскіе Секретари — *Помощникъ Бухгалтера Булыга* и *Бухгалтеръ и Письмоводитель Факультетской Клиники Спасскій*; въ Губернскіе Секретари — *Помощникъ Секретаря Совѣта Жигаревъ* и *Корректоръ Университетской Типографіи Протопоповъ*; въ Коллежскіе Регистраторы—Канцелярскіе Служители, Совѣта — *Никитинъ* и *Правленія — Филиповъ*.

Награждены знакомъ отличія безпорожной службы: за XL лѣтъ — *Бухгалтеръ Университетской Типографіи Колоколовъ*; за XXX лѣтъ — *Синдикъ Университета Захаровъ*, находящійся при счетѣ бумаги и раздачѣ Московскихъ Вѣдомостей *Васильевъ* и *Экономъ Воробьевъ*; за XXV лѣтъ — *Ординарный Профессоръ Гейманъ* и *Казначей Басалаевъ*; за XX лѣтъ — *Ординарный Профессоръ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*, *Лекторъ Рубини* и *Пріемщикъ объявленій въ Типографіи Лукинъ*; за XV лѣтъ — *Помощникъ Библіотекаря Малицкій*, *Издатель Москов-*

скихъ Вѣдомостей *Дмитріевъ* и находящійся при письменныхъ дѣлахъ Типографіи *Прозоровъ*.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ Устава и Положеній въ Факультетахъ и Отдѣленіяхъ, въ продолженіе академическаго года, происходили испытанія желающимъ получить разныя ученыя степени и званія, и по удостоенію Факультетовъ, утверждены:

1. Въ степени Доктора: Историческихъ Наукъ, Политической Экономіи и Статистики — Экстра-Ординарный Профессоръ *Соловьевъ*; Физики и Химіи — Экстра-Ординарный Профессоръ *Спасскій*.

2. Въ степени Магистра: Математическихъ Наукъ — Кандидаты *В. Перевощиковъ* и *Давидовъ*.

3. Въ степени Доктора Медицины: Лѣкаръ *Пеликанъ* и исправляющій должность Адъюнкта, Лѣкаръ *Полунинъ* (*).

4. Въ званіи Акушера, какъ Члена Врачебной Управы: Скопинскій Городовой Врачъ *Медвѣдевъ*.

5. Въ званіи Уѣзднаго Врача: Лѣкари *Никоновъ*, *Захаржевскій*, *Николаевъ*, *Цвѣтковъ*, *Шайтановъ* и *Аренскій*.

6. Въ степени Лѣкаря Австрійскій подданный *Менковскій* и Пруссскій подданный *Лейнвеберъ*.

7. Въ степени Магистра Фармаціи: Провизоръ *Списсъ*.

8. Въ степени Провизора 19 и въ степени Аптекарскаго Помощника 34.

На основаніи Высочайше утвержденного 1-го Марта 1846 года Положенія о спеціальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, удостоено званія Домашнихъ Учителей 6 и Учительницъ 20.

(*) Означенныя лица написали разсужденія: *Соловьевъ*: Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова Дома; *Спасскій*: О Климатѣ Москвы; *Перевощиковъ*: Объ интегрированіи уравненій съ двумя переменными величинами; *Давидовъ*: Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость; *Пеликанъ*: De fractura colli femoris; *Полунинъ*: О холерѣ (De Cholera).

Выданы свидѣтельства на свободное отправленіе въ Россіи повивальной практики 6 лицамъ, подвергавшимся испытанію въ Повивальномъ Институтѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

Кромѣ настоящихъ должностей, слѣдующіе Гг. Профессоры и Преподаватели занимались особыми учеными трудами: Ор. Пр. *Шевыревъ* — въ теченіи вакаціоннаго времени сдѣлалъ поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь для нѣкоторыхъ изслѣдованій о рукописяхъ тамошней библіотеки; намѣренъ издать описаніе этой поѣздки. Два отрывка изъ путевыхъ записокъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ*. Отчетъ о нѣкоторыхъ рукописяхъ Кириллобѣлозерской библіотеки читалъ въ засѣданіяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; сверхъ того напечаталъ нѣсколько критическихъ статей въ *Москвитянинѣ*. Продолжаетъ трудиться надъ изданіемъ слѣдующихъ выпусковъ Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней. — Испр. долж Ор. Пр. *Бодянский*, по званію Секретаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, издавалъ журналъ его «Чтенія», т. е. 9 книжекъ въ академическій годъ (съ Сентября по Іюнь), въ мѣсяць по книжкѣ (отъ 20 до 30 листовъ сжатой печати); въ нихъ помѣстилъ онъ слѣдующія важныя сочиненія по Русской Исторіи и Славянской Филологіи, въ отдѣлахъ Матеріаловъ отечественныхъ, иностранныхъ и смѣси, именно: 1) Паралипоменъ Зонаринъ; 2) Письма Графа Головкина къ Малороссійскому Гетману Скоропадскому; 3) О достопамятностяхъ Чернигова, соч. М. *Маркова*, бывшаго Директора Училищъ Черниговской Губерніи; 4) Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ, соч. Бунчуковаго Товарища, П. *Симоновскаго*; 5) Московскіе Соборы на еретиковъ XVI вѣка; 6) Описаніе города Острога, соч. А. *Перлиштейна* (съ чертежемъ самаго Острога въ древнемъ его видѣ); 7) Исторія Россійская, соч. Вас. Никит. *Татищева*, книга 3-я, или, по сочинителю, Древней лѣтописи Русской часть 4-я; 8) Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти Гетмана Зиновія

вія Хмельницькаго; 9) Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765, съ дополненіемъ о Запорожскихъ Козакахъ и приложеніями касающимися до сего описанія; 10) Написаніе вдоваго попа, Георгія Скрипицы, изъ Ростова града, о вдовствующихъ поцѣхъ; 11) Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго; 12) Лѣтопись Густынскаго Монастыря; 13) Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ, соч. Станислава Зарульскаго, служившаго въ Россійской Арміи Капитаномъ; 14) Письма Императора Петра 1-го къ Малоросійскому Гетману Скоропадскому. По отдѣлу матеріаловъ иностранныхъ: 15) Переписка и другія бумаги Шведскаго Короля, Карла XII, Польскаго, Станислава Лещинскаго, Татарскаго Хана, Турецкаго Султана, Филипа Орлика и Кіевскаго Воеводы, Іосифа Потоцкаго, на Латинскомъ и Польскомъ языкахъ; 16) Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи, съ Чешскаго, П. І. *Шафарика*. Кромѣ того тамъ же помѣстилъ собственное сочиненіе: 17) Историческое свѣдѣніе объ Александрѣ Ивановичѣ Ригельманѣ, авторѣ Лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи, и Исторіи о Донскихъ Козакахъ; 18) Кончилъ печатаніемъ Славянскія Древности, соч. П. І. *Шафарика*, въ 3-ти книгахъ; 19) Изготовилъ къ изданію Изборникъ Булгарскаго Царя Симеона, и Русскаго В. К. Святослава, по 2-мъ пергаменнымъ и одному бумажному спискамъ, а также съ приложеніемъ Греческаго текста, снятаго съ рукописи X вѣка, хранящейся въ Коаленовой, нынѣ Парижской Главной, бібліотекѣ. — Испр. должн. Ор. Пр. *Гофманъ* составилъ учебную книгу Латинскаго языка, подъ названіемъ: *Донатъ*. — Ор. Пр. *Гейманъ* издалъ 4-й выпускъ Чтеній Общей Химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу. — Э. О. Пр. *Соловьевъ* напечаталъ въ журналѣ *Современникъ* первые четыре главы обзора событій Русской Исторіи отъ кончины Царя Феодора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ, и продолжалъ печатаніе Русской лѣтописи для первоначальнаго чтенія въ Библіотекѣ для Воспитанія. — Э. Ор. Пр. *Рулье*: издалъ: 1) *второе продолженіе на обьясненія Геологическаго разрѣза окрестностей Москвы*, съ 3 таблицами 213 изображе-

ній Московскихъ ископаемыхъ; 2) *первое прибавленіе* къ сему *объясненію* съ 5 таблицами, въ листъ; 3) *второе прибавленіе* къ сему *объясненію* съ 5 таблицами 154 изображеній Московскихъ ископаемыхъ; 4) составилъ и подалъ уже Императорскому Обществу Испытателей Природы въ Москвѣ *третье и четвертое* прибавленія къ *Объясненію* разрѣза Москвы, съ таблицами; 5) Изслѣдованіе о червѣ, поѣдавшемъ озимь въ 1846 году, на пространствѣ 18 губерній, съ таблицею; 6) изслѣдованіе о льеномъ образованіи въ Московской губерніи (въ *Листкѣ*). 7) Кромѣ того напечаталъ четыре статьи въ *Животисной Энциклопедіи*. Первые пять записокъ представлены имъ по должности перваго Секретаря Императорскому Московскому Обществу Испытателей Природы. — Э. О. Пр. *Спасскій* издалъ Критическое изслѣдованіе о климатѣ Москвы, и напечаталъ нѣсколько статей по части Метеорологіи въ періодическихъ изданіяхъ. — Ор. Пр. *Филомаѳитскій* написалъ Трактатъ о переливаніи крови, который и печатается. — Ор. Пр. *Северукъ* Анатомико-Медицинскія свои наблюденія напечаталъ въ Отчетъ Университета за истекшій годъ; занимался составленіемъ трактата о холерѣ и подалъ въ Медицинскій Факультетъ свои опыты и наблюденія надъ употребленіемъ эфира, хлороформа и бензина, — мнѣніе объ ихъ дѣйствіи, аппараты имъ изобрѣтенные для употребленія эфира, ихъ описаніе и рисунки. — Ор. Пр. *Варвинскій* напечаталъ въ прибавленіяхъ къ Московскому Врачебному Журналу: 1) наблюденія надъ холерою въ Госпитальной Терапевтической Клиникѣ; 2) наблюденія надъ дѣйствіемъ вливанія въ вены солянаго раствора въ самыхъ жестокихъ случаяхъ эпидемической холеры; 3) явленіе крупознаго выпотѣнія на слизистой оболочкѣ кишечной и въ другихъ тканяхъ, въ эпидемической холерѣ; эта послѣдняя статья написана имъ вмѣстѣ съ исправляющимъ должность Адъюнкта *Полунинъ*. Профессоръ занимается дальнѣйшею разработкою матеріаловъ, собранныхъ при наблюденіи холеры въ послѣднюю ея эпидемію въ Москвѣ и результаты своихъ изслѣдованій надѣется со временемъ издать въ свѣтъ. — Э. Ор. Пр. *Броссе* напечаталъ въ Московскомъ Вра-

чебномъ журналѣ Медицинскій отчетъ о больныхъ, пользовавшихся въ Московской Глазной больницѣ въ 1845 и 1846 годахъ. — Адъюнктъ *Кавелинъ* написалъ критическую статью на сочиненіе Э. Ор. Пр. *Соловьева*: Исторія отношеній между Князьями Рюрикова рода и помѣстилъ ее въ журналѣ Современникъ. — Препод. *Буслаевъ* напечаталъ разсужденіе на степень Магистра: О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ. Опытъ Исторіи языка по Остромирову Евангелію. — Доцентъ *Ершовъ* написалъ статью: О перевозкѣ тяжестей и помѣстилъ ее въ Библіотекѣ для воспитанія. — Препод. *Фабриціусъ* окончилъ статью: De M. Lepidi apud C. Sallustium oratione, которая теперь печатается. — Доцентъ *Гивартовскій* напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о холерѣ. — Испр. долж. ученаго Аптекаря *Лясковскій* напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Химическое изслѣдованіе атмосфернаго воздуха Москвы, во время холеры. — Испр. долж. Адъюнкта *Полунинъ* издалъ разсужденіе о холерѣ, основанное на наблюденіяхъ, собранныхъ въ Терапевтическомъ отдѣленіи Госпитальной Клиники, и написалъ, вмѣстѣ съ Ор. Пр. *Варвинскимъ*, замѣчанія о крупозномъ выпотѣніи въ холерѣ. — Наблюдатель Университетской Обсерваторіи *Швейцеръ* въ Іюль мѣсяцъ прошлаго года открылъ новую комету; изъ производимыхъ имъ вычисленій, которыя нынѣ приводятся къ окончанію, можно съ достовѣрностію положить, что путь ея параболическій.

Учебныя пособія получили слѣдующія приращенія: 1. Въ Библіотеку поступило 448 сочиненій въ 876 томахъ; 2. Для Минералогическаго Кабинета приобрѣтено покупкою изъ Берлина: а) въ пособіе Кристаллографіи 386 простыхъ и 24 двойничныхъ кристалловъ и б) 53 минерала. Отъ Профессора Казанскаго Университета Вагнера куплено 100 экз. горныхъ породъ, собранныхъ имъ въ Киргизскихъ и Астраханскихъ степяхъ. Сверхъ сего, изъ Общества Испытателей Природы передано въ Минералогическій Кабинетъ 1130 экз. Его Сіятельство Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ подарилъ Университету два превосходныхъ штуфа, кристаллы *сыры* и *сырнокислого стронцита*

изъ Сициліи; оба штуфа весьма большой величины и подъ стеклянными колпаками. 3. Для Физическаго Кабинета приобрѣтено 8 инструментовъ и снарядовъ. 4. Для Зоологическаго Кабинета: а) получены въ даръ: отъ Его Императорскаго Величества — зубъ мамонта, найденный Московской Губерніи близъ станціи Завидово; отъ Графа Сергія Григорьевича Строганова — рогъ носорога; отъ Московскаго купца Ивана Родіонова — кисть лѣвой руки Египетской муміи; отъ Г. Ломоносова двѣ Бразильскія самыя рѣдкія и прекрасныя птицы, изъ рода *Pteroglossus ornatus*, Аракарии съ кудрявымъ хохломъ и красивый главоперъ, *Cephalopterus ornatus*; отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей природы 28 птицъ и звѣрей, пожертвованныхъ оному Г. Романовскимъ, отъ Г. Фрейрейса два звѣрка и отъ чучельниковъ Андреева и Дмитриева двѣ птицы. б) Приобрѣтено покупкою отъ Г. Вагнера: 10 экз. звѣрей, 22 экз. птицъ, гадовъ 13 видовъ въ 30 экз. и насѣкомыхъ 368 видовъ. 5. Гербарій умноженъ приобрѣтеніемъ покупкою отъ Г. Профессора Казанскаго Университета Вагнера 251 вида растений. 6. Ботаническій садъ получилъ слѣдующія приращенія: а) сѣмена: изъ Лейпцигскаго сада 35 видовъ; отъ Г. Вагнера 100 видовъ; изъ Кіевскаго Ботаническаго сада 134 вида и отъ разныхъ лицъ 37 видовъ. б) Живыя растения: покупкою и мѣною приобрѣтено 76 видовъ оранжерейныхъ растений. 7. Для Астрономической Обсерваторіи приобрѣтены: большой полуденный кругъ, стоящій 6,000 рубл. серебр., два хронометра Дента и кѣтропоказатель. 8. Для Анатомическаго Кабинета — 100 скальпеллей и 100 пинцетовъ. 9. Для Кабинетовъ Зоотомическаго и Сравнительной Анатоміи приобрѣтены: отъ Профессора Басова 7 препаратовъ изъ паще-маше, а именно: а) полная анатомія улитки, б) кровеносная система *Seriae*, с) желудокъ кузнечика, d) мозгъ гуся, е) и f) нервная система личинки и совершенной бабочки и g) микроскопическая анатомія волосъ; Помощникомъ Прозектора Орловскимъ приготовлено 20 скелетовъ и 95 препаратовъ изъ различныхъ животныхъ. Кабинетъ Сравнительной Анатоміи распространенъ соединеніемъ къ преждебывшему малому залу большаго зала, въ коемъ

устроены новые шкафы, въ которыхъ и расположены въ систематическомъ порядкѣ препараты. 10. Для Фармацевтическаго кабинета приобрѣтено: препаратовъ 26, снарядовъ и другихъ вещей 416 и книгъ 320 томовъ.

Вообще учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1. Въ Библіотекѣ 34,903 сочиненій въ 82,087 томахъ. 2. Въ Физическомъ Кабинетѣ 383 инструментовъ и снарядовъ и 7 технологическихъ моделей. 3. Въ Зоологическомъ Кабинетѣ животныхъ и ихъ частей 62,521. 4. Въ Минералогическомъ Кабинетѣ, по случаю перемѣщенія и привода въ порядокъ находящихся въ немъ минераловъ, общаго числа оныхъ обозначить нельзя. 5. Въ Гербаріумѣ сухихъ растений до 12,000 различныхъ видовъ. 6. Въ Ботаническомъ саду до 6,970 видовъ растений. 7. Въ Монетъ-Кабинетѣ 14,203 монетъ и медалей, а именно: 460 золотыхъ, 7,383 серебряныхъ (и сомнительныхъ) и 6,163 бронзовыхъ, мѣдныхъ и оловянныхъ монетъ и медалей. 8. На Астрономической Обсерваторіи инструментовъ и снарядовъ 54. 9. Въ Химической Лабораторіи 2,406 препаратовъ, снарядовъ и инструментовъ. 10. Въ Анатомическомъ Кабинетѣ 3,213 препаратовъ и 1,150 инструментовъ. 11. Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ 323 препаратовъ и 364 инструмента. 12. Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ, принятомъ изъ бывшей Московской Медико - Хирургической Академіи 213 препаратовъ и 533 инструментовъ. 13. Въ Кабинетѣ Сравнительной Анатоміи и Физиологіи 1,839 препаратовъ и 289 инструментовъ. 14. Въ Десмургическомъ Кабинетѣ 314 повязокъ и машинъ. 15. Въ Фармацевтическомъ Кабинетѣ находится Фармакогностическихъ экземпляровъ, фармацевтическихъ препаратовъ, снарядовъ и книгъ 2,722. Сверхъ сего при Университетѣ находятся особыя Библіотеки: 1. Библіотека казенныхъ Студентовъ изъ 2,283 сочиненій и 33 періодическихъ изданій и 2. Библіотека Русской Словесности, учрежденная для перваго курса Профессоромъ *Шевыревымъ*, которая умножилась, въ теченіи академическаго года, 17 томами, на добровольныя пожертвованія Студентовъ, и состоитъ нынѣ изъ 714 томовъ.

Въ Университетскихъ клиникахъ находилось больныхъ :

1. *Въ Факультетской Клиникѣ :*

а) Въ Терапевтическомъ Отдѣленіи въ теченіи минувшаго Академическаго года было больныхъ 462, изъ нихъ выздоровѣло 389, умерло 41, остается 32; приходящихъ за совѣтомъ больныхъ было 2,402 человека. Въ холерномъ отдѣленіи съ 25 Сентября по 24 Мая было больныхъ 193, изъ нихъ выздоровѣло 70, привезено уже мертвыми 3, умерло 112, состоитъ на лицо 8.

б) Въ Хирургическомъ отдѣленіи всего состояло больныхъ 237; изъ нихъ оставалось къ 1-му Сентября 1847 года 31, вновь прибыло 186, выздоровѣло 163, умерло 23, остается 49; приходящихъ за совѣтами 950. Большихъ операцій было сдѣлано 39, малыхъ 266.

в) Въ Акушерскомъ отдѣленіи оставалось къ 1-му Сентября 1847 года беременныхъ и роженицъ 11, вновь поступило 386, разрѣшилось всѣхъ 391, въ беременныхъ находится 3, всѣхъ же осталось вмѣстѣ съ роженицами къ 1-му Мая сего года 12. Изъ числа 391 родовъ 364 было правильныхъ, 27 представляли значительныя уклоненія, соотвѣтственно которымъ были произведены различныя акушерскія операціи, именно : 2 раза искусственное ускореніе родовъ, 3 поворота на ножки, 7 разъ наложеніе щипцовъ, 11 разъ отдѣленіе приросшихъ и заключенныхъ въ мѣшкѣ послѣдовъ и 4 раза извлеченіе младенца ножками, при предлежащихъ ягодицахъ и ножкахъ ; кромѣ того было произведено нѣсколько операцій малыхъ. Изъ вышеписаннаго числа родовъ двойничныхъ было 4, такъ что на 391 роды, родилось всѣхъ вообще 395 дѣтей, именно : мальчиковъ 202, дѣвочекъ 193. Изъ нихъ мертворожденныхъ 26 (10 мальчиковъ, 16 дѣвочекъ), умершихъ послѣ родовъ 10. (6 мальчиковъ, 4 дѣвочки). Изъ числа 391 роженицы больныхъ было 96, изъ нихъ умерло 3. Больныхъ приходящихъ за совѣтами было 363.

II. Въ Госпитальной Клиникѣ:

а) Въ Терапевтическомъ Отдѣленіи къ 1-му числу Сентября 1847 года состояло больныхъ 76 человекъ. Въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ (до 1-го Мая) прибыло 715 человекъ. Слѣдовательно въ теченіе академическаго года было всего больныхъ 791. Изъ нихъ: выздоровѣло 545, умерло 152, состояло къ 1-му Мая 95. Въ томъ числѣ одержимыхъ холерою было 108. Изъ нихъ выздоровѣло 45, умерло 60, состояло къ 1-му Мая 3.

б) Въ Хирургическомъ Отдѣленіи пользовано было больныхъ 826 человекъ, изъ нихъ выздоровѣло 725, умерло 15, осталось 86. Важнѣйшихъ хирургическихъ операцій произведено 52, а именно: камнесъченій 26; камнедробленій 5, вырѣзываній рака нижней губы съ образованіемъ искусственной нижней губы 4; вырѣзываніе рака на нижнемъ вѣкѣ 1; отнятіе пораженной ракомъ женской груди 1; вырѣзываніе лѣвой верхней челюсти 1; вырѣзываніе жировиднаго нароста 1; вырѣзываніе подмышечныхъ железъ, пораженныхъ скарромъ 1; отнятіе бедра 1; отнятіе плеча 1; отнятіе голени 1; членоиъзятіе плюсны 1; членоиъзятіе меньшаго пальца правой ноги 1; грыжесъченіе 1; сверленіе черепа 1; операцій водяной грыжи 2; перерѣзываніе Ахилловой жилы 1. Большая часть этихъ операцій произведена была при помощи сѣрнаго эфира и хлороформа.

III. Въ Студенческой больницѣ находилось больныхъ 162 человекъ, изъ нихъ выздоровѣло 154, осталось на излѣченіи 7 человекъ.

Студенты Медицинскаго Факультета 4-го и 5-го курсовъ участвовали въ лѣченіи больныхъ и при производствѣ операцій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Профессоровъ и Адъюнктовъ Клиникъ; нѣкоторые Студенты 5-го курса допущены были въ Хирургическомъ Отдѣленіи Госпитальной Клиники къ производству важнѣйшихъ операцій и всѣ безъ исключенія упражняемы были въ опера

ціяхъ , относящихся до малой Хирургіи. Больные бѣднаго состоянія принимались безъ платы , а приходящіе недостаточнаго состоянія получали безденежно лѣкарства изъ учрежденныхъ при Университетѣ и Госпитальной Клиникѣ Аптекъ. Въ Университетской Аптекѣ , кромѣ приготовленія лѣкарствъ въ Клиники , дѣланы особо , въ присутствіи Студентовъ , разные препараты , лицами , которыя подвергались въ Университетѣ испытанію на Фармацевтическія степени.

Въ Университетской Типографіи отпечатано книгъ и диссертаций на ученыя степени 39 званій ; собрано за Московскія Вѣдомости , объявленія и книги 96,220 руб. 74 $\frac{1}{4}$ коп. ; употреблено на расходъ 60,363 руб. 32 $\frac{3}{4}$ коп. серебромъ ; вообще въ Типографіи отпечатано 8,484,113 листовъ.

Состоящія при Университетѣ Ученыя Общества продолжали свои занятія: 1. **ИМПЕРАТОРСКОЕ** Общество Испытателей Природы имѣло 8 засѣданій, въ коихъ были читаны сочиненія по части Зоологій , Ботаники , Минералогіи , Палеонтологіи и Химіи. Общество 22-го Февраля 1847 года праздновало пятидесятилѣтній докторскій юбилей основателя своего и Вице - Президента , Его Превосходительства Григорія Ивановича *Фишера-фонъ-Вальдгейма*, къ которому **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО** Всемилоостивѣйше изволилъ пожаловать ему Орденъ Св. Анны 1-й степени, Императорскою Короною украшенный, и Его Величество Король Пруссій Орденъ Краснаго Орла 2-й степени ; сверхъ сего почти отъ всѣхъ ученыхъ обществъ посланы были поздравительныя письма и возобновительные дипломы; Общество поднесло ему великолѣпно изданную на сей случай книгу. Общество издало, подъ редакціею втораго Секретаря К. И. *Ренара*, четыре книжки повременныхъ записокъ своихъ (*Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou*). Всѣ помѣщенныя статьи суть оригинальныя и касаются почти исключительно Россіи. Приложены мѣсячныя таблицы

метеорологическихъ наблюдений, составляемыя Д. Ч. Г. Спасскимъ по наблюдениямъ, производимымъ на Обсерваторіи Московскаго Университета, и *Смльсь* изъ мелкихъ отрывочныхъ статей. При Обществѣ находится: Библіотека, которая въ прошломъ году состояла изъ 8,401 тома, стоящихъ около 15,500 рублей серебр.; собраніе ландкартъ, собраніе портретовъ Естествоиспытателей и Врачей и собраніе насѣкомыхъ; нѣсколько Московскихъ окаменѣлостей и травохранилище. Въ истекшемъ году Общество получило въ даръ: отъ Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго собраніе ископаемыхъ Соленгофена и нѣсколько экземпляровъ Пермской системы, а также отъ Г. Вице-Президента и нѣкоторыхъ Гг. Членовъ собранія разныхъ естественныхъ предметовъ и отъ Обществъ, мѣстъ и лицъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ разныя сочиненія, по содержанію преимущественно относящіяся къ Естественной Исторіи и путешествіямъ. 2. Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ имѣло 9 засѣданій, въ коихъ читаны разныя историческія разсужденія и изслѣдованія. Пользуясь Высочайше дарованнымъ пособіемъ для ученыхъ предпріятій, Общество въ минувшемъ году издало *девять книгъ* «Чтеній въ Обществѣ», подъ завѣдываніемъ Секретаря, Д. Члена, О. М. Бодянскаго, въ коихъ помѣщены оригинальныя сочиненія и переводы съ разныхъ языковъ Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ, Соревнователей и другихъ ученыхъ. 3. Общество Физико-Медицинское имѣло ежемѣсячныя засѣданія, въ коихъ предложено было разсужденій 10, читано оригинальныхъ разсужденій и практическихъ наблюдений, доставленныхъ Членами Общества 7, разсмотрѣно фармацевтическихъ препаратовъ 9, съ изложеніемъ способа ихъ приготовленія и врачебнаго дѣйствія.

По общему соображеніи познаній и поведенія окончившихъ курсъ ученія Студентовъ, Университетскимъ Совѣтомъ, согласно заключенію Факультетовъ, удостоены:

I. Степени Кандидата:

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета:

1. Илья Рогозинниковъ (казени. Ст. бывшій воспит. Тверской Гимназіи).
2. Павелъ Агѣевъ (бывшій воспит. 1-й Московской Гимназіи).
3. Тертій Филипповъ (бывшій воспит. Тверской Гимназіи).
4. Эдуардъ Зедергольмъ (бывшій воспит. 2-й Москов. Гимназіи).
5. Валеріанъ Глаголевскій (бывшій воспит. 1-й Москов. Гимназіи).

2-го Отдѣленія Философскаго Факультета:

а) ПО ОТДѢЛУ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

1. Михаилъ Окатовъ (казенный Студ. бывшій восп. Костром. Гимназіи).
2. Павелъ Перевощиковъ (домашняго воспитанія).
3. Василій Кононовъ (бывшій воспит. Рязанской Гимназіи).
4. Владиміръ Лидовъ (бывшій воспит. 1-й Московской Гимназіи).
5. Николай Прибыль (домашняго воспитанія).

в) ПО ОТДѢЛУ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

1. Витольдъ Домбровскій (бывшій воспит. Ришельев. Лицея).
2. Николай Вульфертъ (бывшій воспит. Ришельев. Лицея).
3. Михаилъ Іорданскій (бывшій воспит. Владим. Гимназіи).
4. Юлій Малевскій-Малевичъ (бывшій воспит. 1-й Моск. Гимназіи).
5. Николай Потуловъ (домашняго воспитанія).
6. Леонидъ Муромцевъ (бывшій воспит. Симферопольской Гимназіи).
7. Михаилъ Ушаковъ (домашняго воспитанія).
8. Александръ Салтыковъ (бывш. воспит. Моск. Инстит. Гг. Лазарев.).

Юридическаго Факультета.

1. Дмитрій Шубинъ (бывшій воспит. 1-й Московской Гимназіи).
2. Антонъ Сабацынскій (бывшій воспит. Бѣлостокской Гимназіи).
3. Владиміръ Самаринъ (домашняго воспитанія).
4. Петръ Голицынскій (бывш. восп. Инстит. Об.-Оф. Сир. М. В. Дома).
5. Иванъ Прусиновскій (бывш. Студентъ Казанскаго Университета).
6. Александръ Зеновичъ (бывшій воспит. Виленской Гимназіи).
7. Александръ Аванасьевъ (бывшій воспит. Воронежской Гимназіи).]
8. Василій Невѣдомскій (воспит. Пансіона Чермака).
9. Петръ Сафоновъ (домашняго воспитанія).
10. Алексѣй Тимофѣевъ (воспит. 2-й Московской Гимназіи).
11. Василій Соцъ (бывшій Студентъ С.-Петербургскаго Университета).
12. Александръ Егуновъ (воспит. Ришельевского Лицея).
13. Аркадій Муромцевъ (воспитан. Калужской Гимназіи).
14. Николай Орловъ (воспит. Московской Духовной Семинаріи).
15. Михаилъ Островскій (воспит. 1-й Московской Гимназіи).
16. Николай Чихачевъ (домашняго воспитанія).
17. Владиміръ Радиславскій (воспит. Московск. Дворянск. Институт.).

Сверхъ сего, по надлежащемъ испытаніи, удостоены степени
Кандидата :

1. Преподаватель Латинскаго языка при семъ Университетѣ Августъ
Фабриціусъ.
2. Дѣйствительный Студентъ Игнатій Росцишевскій.

II. Званія Дѣйствительнаго Студента:

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

1. Николай Шишко-Михайловскій.
2. Оома Шмидтъ.
3. Иванъ Крыловскій.

2-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

а) ПО ОТДѢЛУ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

1. Сильвестръ Польсковій.
2. Карль Вырвичъ.
3. Павелъ Гарднеръ.

в) ПО ОТДѢЛУ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

1. Андрей Шереметевскій.
2. Иванъ Бурхардъ.
3. Григорій Ребристовъ.
4. Николай Цемшъ.
5. Валеріанъ Анерикъ.
6. Леопольдъ Дюссель.
7. Александръ Маевскій.
8. Оедоръ Смольяниновъ.
9. Александръ Жихаревъ.
10. Николай Лопатинъ.
11. Павелъ Шульгинъ.
12. Оедоръ Кринскій.
13. Эдуардъ Кантемировъ.
14. Александръ Ануринъ.
15. Кн. Михайль Ухтомскій.
16. Никита Бѣгичевъ.
17. Викторъ де Шарьеръ.
18. Петръ Лебедевъ.

Юридическаго Факультета :

1. Николай Аристовъ.
2. Алексѣй Толстопятовъ.

3. Иванъ Янскій.
4. Иванъ Тяжеловъ.
5. Карлъ Бернадъ.
6. Аполлонъ Брежинскій.
7. Сергѣй Усковъ.
8. Пій Харламповичъ.
9. Матвѣй Орловъ.
10. Робертъ Герлитъ.
11. Михаилъ Доброхотовъ.
12. Владиміръ Гурскій.
13. Гоггардъ Лясковскій.
14. Христіанъ Маргатантъ.
15. Владиміръ Пфель.
16. Иванъ Кобыляковъ.
17. Иванъ Новосильцевъ.
18. Клавдій Поповъ.
19. Николай Тихомировъ.
20. Константинъ Хрщоновичъ.
21. Александръ Траковскій.
22. Василій Хотяинцевъ.
23. Иванъ Литвиновъ.
24. Петръ Смирновъ.
25. Александръ Дурново.
26. Александръ Малявка.
27. Иванъ Окновъ.
28. Василій Рѣшетовъ.
29. Алексѣй Смирновъ.
30. Иванъ Доможировъ.
31. Николай Ермоловъ.
32. Андрей Лясотовичъ.
33. Евгеній Немировичъ-Данченко.

- 34. Сергѣй Шаповаловъ.
- 35. Александръ Голяшкинъ.
- 36. Гр. Александръ Толстой.
- 37. Николай Дроздовъ.
- 38. Василій Нагорскій.
- 39. Михаилъ Устиновъ.

III. Степени Лѣкаря:

а. Степени Лѣкаря, съ предоставленіемъ права, по написаніи диссертациі и послѣ публичнаго защищенія оной, получить дипломъ, безъ вторичнаго испытанія, на степень *Доктора Медицины*:

- 1. Владиміръ Бродовскій.
- 2. Николай Голосовъ (казен. студ.).
- 3. Иванъ Минкевичъ (казен. студ.).

б. *Степени Лѣкаря съ отлізіемъ:*

- 4. Михаилъ Дмитріевъ.
- 5. Глѣбъ Лебедевъ (казен. Студ.).
- 6. Оома Яголковскій.
- 7. Николай Быковскій.
- 8. Фердинандъ Орчинскій.
- 9. Нилъ Страховъ.
- 10. Герардъ Логиновичъ (казен. Студ.).
- 11. Павель Шереметевскій.
- 12. Алексѣй Левитовъ.

с. *Степени Лѣкаря:*

- 13. Петръ Кашинъ (казен. Студ.).
- 14. Владиміръ Гурновъ.

15. Николай Делекторскій (казен. Студ.).
16. Петръ Розинъ.
17. Эдуардъ Домбровский (казен. Студ.).
18. Егоръ Бѣлелюбскій.
19. Рафаиль Влощевскій.
20. Михаилъ де Вивьенъ.
21. Ильдефонсъ Доренговскій.
22. Отто Каде.
23. Юлій Коссакъ.
24. Павелъ Круневичъ.
25. Михаилъ Невзоровъ.
26. Николай Никитинъ.
27. Юсифъ Соколовскій.
28. Владиміръ Смоличъ.
29. Иванъ Чистосердовъ.
30. Исидоръ Фризе.
31. Иванъ Виризовъ (казен. Студ.).
32. Павелъ Соколовъ.
33. Христіанъ Зибертъ.
34. Михаилъ Сливовскій.
35. Андрей Целебровскій.
36. Вячеславъ Яневичъ.
37. Владиміръ Саттерупъ (казен. Студ.) (*).

Изъ числа Студентовъ Университета, пробывшихъ на одномъ курсѣ два или три года, уволено, по прошеніямъ, въ теченіи второй половины минувшаго Академическаго года: 42.

(*) Прил. Имена и фамиліи Кандидатовъ, Дѣйствительныхъ Студентовъ и Лѣкарей означены здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдуютъ по степени познаній, оказанныхъ на испытаніяхъ.

На основаніи 103 ст. Устава, за лучшія сочиненія на заданныя темы *) награждены медалями, *золотыми*: въ Юридическомъ Факультетѣ, удостоенный степени Кандидата Алексѣй Тимофѣевъ (бывшій воспитанникъ 2-й Московской Гимназіи) и въ Медицинскомъ Факультетѣ Студентъ 2-го курса Евгений Саблеръ (бывшій воспитанникъ 2-й Московской Гимназіи); *серебряными*: во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета, удостоенный званія Дѣйствительнаго Студента Федоръ Смольяниновъ (бывшій воспитанникъ Рязанской Гимназіи), Студентъ 3-го курса Алексѣй Телесницкій (бывшій воспитанникъ Александринскаго Сиротскаго Института); въ Юридическомъ Факультетѣ: Студентъ 3-го курса Николай Гладковъ (домашняго воспитанія); въ Медицинскомъ Факультетѣ: Студентъ 4-го курса Владиславъ Ольшевскій (бывшій воспитанникъ Свислочской Гимназіи.); сверхъ того, удостоились похвальнаго отзыва за представленныя разсужденія: въ Юридическомъ Факультетѣ Студентъ 3-го курса Вильгельмъ Лакіеръ (бывшій воспитанникъ 2-й Московской Гимназіи) и въ Медицинскомъ Факультетѣ Студентъ 2-го курса Сергѣй Страховъ (домашняго воспитанія).

*) На полученіе медалей заданы были темы: въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: *о Логикѣ Аристотеля*, но разсужденій на эту тему представлено не было; во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: *о взаимномъ отношеніи органовъ дыханія и сокообращеніи въ животномъ организмѣ*; въ Юридическомъ Факультетѣ: *объ общественномъ призрѣніи въ Россіи*; въ Медицинскомъ Факультетѣ: *Изложитъ современное ученіе о нервной системѣ, притомъ особенное вниманіе должно быть обращено на узловатую систему.*

О

ВЛІЯНІИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ

НА РАЗВІТІЕ

ПАТОЛОГІИ ВООБЩЕ И КЛИНИЧЕСКОЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

20
1828

О

ВЪЗНѢШІЯ ПЛОТНОСТЕЙ ИЛИ

ИЛИ ПЛОТНОСТЕЙ

ПЛОТНОСТЕЙ ИЛИ ПЛОТНОСТЕЙ

1880
1/10

О

ВЪНШНИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ АНАТОМИ

ИЛИ РАЗВѢТІЕ

ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ И РАЗВѢТІЕ ВЪ ОСОБЕННОСТИ

20
1878

О

ПРОСТАНА ПОСЕРПТОЛОТАН ШИРИЯ

ИВ БУЗДНТБ

ИСТОМОЛН ВООРИЕ И РМННННЕСКОИ ВР ОСОБЕННОСТЕ

20/10/21

О

ВЪВЕДЕНІЕ ПОСРЕДСТВОМЪ АНАТОМІИ

ИЛИ РАЗВѢЩЕНІЕ

ПОСРЕДСТВОМЪ ВОЗРАСТА И РАЗВИТИЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ

Rěči, proiznesennyja v toržestvennom sobranii Imperatorskago Moskovskago
Universiteta

Bd.: 1848

Moskva 1848

4 H.lit.p. 324 u-1848

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10684132-9